

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

НИК ПЕРУМОВ

НЕ МЕСТО
ДЛЯ ЛЮДЕЙ

ЧИТАЙТЕ ДОЛГОЖДАННОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА
«НЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ДРАКОНОВ»!

Книги Сергея Лукьяненко

Сергей Лукьяненко
Не место для людей

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лукьяненко С. В.

Не место для людей / С. В. Лукьяненко — «Эксмо»,
2020 — (Книги Сергея Лукьяненко)

ISBN 978-5-17-134016-2

Четверть века прошло с тех пор, как в Срединный Мир, отделяющий наш мир от мира магии, вернулся правитель – Дракон. Прекратились распри, отброшены в свои загадочные земли сотворенные Хаосом Прирождённые, да и наш мир, Изнанка, успокоился... Но однажды что-то изменилось. Неведомая опасность расползается по всем трём мирам, нарушает равновесие и порядок. В каждый мир проникает то, что ему несвойственно, и смогут ли победить это зло герои былых времён? Или же настало время для новых? Юная дочь Дракона и Единорога сбегает из дому – но по своей ли воле? И что ждёт её впереди? Когда-то было не время для драконов, но теперь – не место для людей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-134016-2

© Лукьяненко С. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава первая	12
Глава вторая	20
Глава третья	29
Глава четвёртая	38
Глава пятая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Сергей Лукьяненко, Ник Перумов

Не место для людей

© С. Лукьяненко, 2020

© Н. Перумов, 2020

* * *

Солнце катится, кудри мои золотя,
Я срываю цветы, с ветерком говорю.
Почему же не счастлив я, словно дитя,
Почему не спокоен, подобно царю?

На испытанном луке дрожит тетива,
И все шепчет и шепчет сверкающий меч.
Он, безумный, еще не забыл острова,
Голубые моря нескончаемых сеч.

Для кого же теперь вы готовите смерть,
Сильный меч и далеко стреляющий лук?
Иль не знаете вы – завоевана твердь,
К нам склонилась земля, как союзник и друг;

Все моря целовали мои корабли,
Мы почтили сраженьями все берега.
Неужели за гранью широкой земли
И за гранью небес вы узнали врага?¹

¹ Николай Гумилёв. После победы.

Пролог

Ночь умирала.

Ещё сияли в небе разноцветные звёзды, складываясь в узоры незнакомых созвездий. Ещё раздавались трели соловьёв и уханье сычей. Ещё дул с лесистых склонов гор лёгкий ночной бриз, делая весеннюю ночь прохладнее.

Но далеко на востоке, над горизонтом, небо над гладью океана порозовело. За краем мира близились утро. Ночная тьма начала редеть, обрисовывая скалистые кручи, обрывающиеся к самому морю. А в море, не так уж и далеко от берега, рассекая горизонт, вырастала чёрным конусом скала, увенчанная силуэтом замка – огромного, грубого, будто вытесанного из плоти самих скал, тёмного и беззвучного, то ли покинутого, то ли спящего.

Прямо напротив острова, на вершине утёса, нависающего над прибоем, над бьющими в берег волнами и клочьями пены, мальчик и девочка сидели на стволе поваленного ветром дерева – и смотрели на восток. На рассветающее небо и чёрный контур острова и замка.

Девочка была хрупкой и совсем юной, не больше четырнадцати-пятнадцати лет. Мальчик постарше на год или два, широкоплечий и на голову выше. Его щёки уже были знакомы с бритвой (хотя и не слишком в этом нуждались), а голос сломался и звучал совсем по-взрослому.

– Не замёрзла? – заботливо спросил он подругу.

Девочка, набросившая на плечи его куртку, молча помотала головой. Она была одета в праздничное платье – со шнурованным лифом, с короткими пышными рукавами; платье красивое, но не слишком тёплое.

– Как рассветёт – пойдём вниз, – сказал юноша. Мрачно посмотрел на тёмный остров. – А то, не ровен час, господин Дракон изволит на прогулку вылететь.

– И что с того? – спросила девочка. – Боишься, что сожрёт?

Юноша пожал плечами. Ответил:

– Не боюсь. Но по доброй воле к Замку-над-Миром не ходят.

Он покосился на девочку. Собрался с духом. И спросил:

– Нотти... могу я тебя поцеловать?

Некоторое время девочка молчала, глядя на замок, всё ощутимее проступающий на фоне светлеющего неба. А потом ответила:

– Можешь, Тран. Но только если...

– Что? – воскликнул юноша.

– Если прыгнешь вниз с утёса.

Парень несколько секунд смотрел на неё сквозь ночной сумрак. Потом поднялся, сделал два шага и остановился на краю скалы. Метрах в тридцати под ним шумели волны, разбиваясь о камни и откатываясь назад.

– Я же не птица, – рассудительно сказал Тран. – Не маг Воздуха. Не дитя стихий. Я обычный человек. Если я прыгну – то расшибусь насмерть. Даже до глубокой воды не допрыгну, в камнях изломаюсь.

– Верно, – сказала девочка.

– Ты хочешь, чтобы я умер? – спросил парень.

– Нет.

– Понятно. – Тран плюнул вниз, в тёмную бездну с барашками пены на волнах. – То есть ты таким образом сказала мне «нет»?

Девочка не ответила. Продолжала сидеть, вытянув ноги и глядя на тонкую розовую полосу света над горизонтом.

– Мне пора, – сказал Тран обиженно. – Как рассветёт – мастерскую прибирать, пар заводить. Гномы опозданий не любят.

– Ты иди, я ещё посижу, – ответила девочка. Увидела, что парень колеблется, и добавила: – Иди, иди.

– Странная ты, – выдохнул парень. – Смотри, не засиживайся, Дракон сожрёт. Все знают, он юниц предпочитает.

– Ничего, не сожрёт, – хладнокровно ответила девочка. – Он вчера наелся до отвала.

– Кого? – заинтересовался Тран.

– Не «кого», а «чего». Жареной на углях утятин.

– Да ну тебя! – махнул рукой парень. Пошёл к едва различимой тропке, ведущей к подножию утёса.

– Куртку-то возьми! – сказала девочка.

Парень вернулся, неуверенно взял куртку. Спросил:

– А ты как?

– Не замёрзну. Солнышко восходит.

Тран ещё раз вздохнул и с болью в голосе сказал:

– Какая же ты чудная! Угораздило меня с тобой весь вечер танцевать... а потом на гору тащиться... и даже поцелуя пожалела! Что он у тебя, последний?

– Нет, первый, – серьёзно ответила девочка. – Потому и берегу.

– Бережёшь ты! – возмутился парень. – Хорошо, что со мной пошла на рассвет смотреть! Я человек честный! А если бы кто непорядочный оказался – уберегла бы?

Девочка повернула голову, посмотрела на него и улыбнулась:

– Уберегла бы. Не сомневайся. Да ты иди, Тран. Иди. Может, на летней ярмарке увидимся.

Тран снова махнул рукой и затопал вниз по тропинке, бормоча что-то о «чудной» и «лучше бы спать пошёл».

А девочка осталась сидеть, глядя на восходящее солнце.

Вот горизонт вспыхнул огненной точкой. Вот точка расплылась в линию, выгнулась бугром – и солнце зашевелило мохнатыми щупальцами золотых лучей, опираясь ими о воду и вытаскивая себя в небо.

Из лесной чащи за спиной девочки вышла высокая женщина в ниспадающем до икр платье из золотистой парчи. Как она в таком одеянии ухитрилась прятаться где-то рядом, не зашумев, не запачкавшись, не порвав одежды, как сохранила при этом причудливую причёску из золотых волос – было совершенно не понятно.

– Привет, Лой! – сказала девочка, не оборачиваясь.

Лой Ивер, глава клана Кошки, не самого большого, но весьма влиятельного, грациозно присела рядом с девочкой. Вздохнула:

– Скажи, Нотти, неужели ты хотела смерти этого славного юноши?

– Конечно же, нет!

– Тогда он был прав, ты таким образом ему отказала? – Лой Ивер покачала головой. – Ах, Нотти, Нотти! Мальчики в этом возрасте бывают так глупы! Если бы он прыгнул?

– Я бы его спасла, пожалуй, – решила девочка. – Но он не прыгнул бы, и я это знаю. Он умный парень, учится у гномов механике, помогает родителям. Но слишком уж... приземлённый? Пусть подумает о необычном.

– Ясно. – Лой Ивер вздохнула, обняла девочку за плечи: – Что тебя сюда тянет-то?

– Красиво, – ответила девочка. – Даже из замка не такой красивый восход. Знаешь, почему? Оттуда самого замка не видно.

Солнце уже наполовину выбралось из-за горизонта. Стала видна улыбающаяся рожица на солнечном диске – добродушное широкое лицо, сияющее над морем. Огненная голова, как рисуют солнышко дети на картинках, озаряла мир.

– Сейчас... – сказала Лой.

Солнце на миг расплылось – и стало просто солнцем.

Раскалённым огненным шаром.

– Чудят Прирождённые, – усмехнулась Лой. – А я однажды видела злое солнышко. Хмурилось, зубы скалило... Знаешь – страшное дело! Ну что, пора тебе домой?

– Зачем ты за мной ходишь? – спросила Нотти. – Неужели думаешь, что мне угрожает опасность?

Лой Ивер рассмеялась.

– Опасность? Опасность для дочери Дракона и Единорога? Для девочки Неведомого клана? Что ты, детка! Ты поссорилась с отцом и матерью, ты была в гневе и удрала на ярмарочный фест, полный подвыпивших простолюдинов. Я опасалась за селян!

Девочка помолчала. Подобрала камешек, повертела в пальцах,дохнула. С ладони сорвалась алая, как кровь, искра, взмыла навстречу поднимающемуся солнцу.

– Солнце в бездне моется проклятой, солнцу ненавистен соглядатай, – прокомментировала Лой, слегка подняв бровь. Золотистая парча прилегала к телу, подчёркивая, обтягивая, обрисовывая.

– Тебя мама просила? Или отец? – Нотти неприязненно отвернулась от Кошки. – А то, понимаешь, «селяне»...

– Никто меня не просил. – Лой тоже перекатывала на ладони гранитный осколок. – Клан Кошек не слушает просьб. Мы сами по себе, забыла?

Кровавая искорка растворилась в лучах рассвета. На миг блеснуло что-то в бойницах Замка-над-Миром, и вновь вернулась темнота. Лучи словно обходили вырубленную из скалы крепость.

– Хочу... – Нотти проводила взглядом исчезнувший огонёк. – Хочу дела. Чтобы крылья через всё небо. Чтобы ветер, чтобы пламя. Сила, вихрь, всё!..

– Ты не Дракон.

– Я не Дракон, – девочка шевельнула плечом, Лой Ивер осторожно убрала руку. – Почему так? За что?

– Такова суть вашего племени.

– Вот и мама то же самое талдычит!.. А ты повторяешь!..

– Дважды два всегда четыре, дорогая.

– Не у Прирождённых.

Лой взглядела в упрямую ухмылку Нотти, меж её бровей на миг появилась и тотчас исчезла крошечная складка.

– Куда хочешь направиться? – легко спросила Кошка, словно и не слыша последних слов.

– Никуда! – буркнула Нотти. И вновь опустила руку за камешком.

– Не стоит. Возьми мой.

– Почему? – искренне удивилась девочка. Даже отвернулась от всё ярче и шире разливающегося над морем рассвета.

– Потому что даже я, Кошка, чую, что ты вкладываешь в свои чары.

– Только не начинай! «Магия есть ответственность» и прочее! Сыта! По горло! – выкрикнула Нотти.

– Ни в коем случае, – сказала Лой. – Магия – это когда делаешь, что хочешь.

– Что?! – опешила Нотти. – А папа говорит...

– Делаешь, что хочешь, но потом не закапываешь сделанное под ковёр.

– Фу! Шутки твои... кошачьи...

Лой Ивер чуть заметно пожала плечами. Драгоценная парча чуть зашуршала, когда она, гибко поднявшись, вдруг шагнула с обрыва прямо вниз, на острые камни.

Нотти не вскрикнула. Плавно, текуче, словно это она – из клана Кошки, одним движением оказалась на краю.

– Я же знаю, что с тобой ничего не случи... – Волны лениво лизнули тело в золотом сиянии платья; кровь смешалась с тёмной водой. – Я – ох – Лой!..

Разбившаяся о камни не шелохнулась. Волны потащили за собой распутившиеся волосы.

– Лой! – Нотти вскочила, прижимая кулаки к груди. – Лой, не пугай меня!.. У тебя... ты... это не последняя твоя жизнь!..

Тишина.

– Ах ты ж!.. – и потом ещё несколько таких словечек, что папа точно засадил бы безвылазно за книги или рукоделье – неважно, в общем, придумал бы наказание.

Прыжок. Ветер не успел даже свистнуть, а под ногами уже сжалась послушная её воле невидимая линза. Нотти мягко прыгнула на мокрый гранит, опрометью бросилась к телу Лой – прибор уже пытался утащить в море неожиданную добычу.

– Л-лой!..

Провалившись по пояс, она подхватила тело на руки. Женщина была тяжёлой, но и у Нотти было куда больше сил, чем у обычной девушки. Выскочила обратно на камни, судорожно бросилась к отвесной стене.

– Чёрт! Чёрт! Чёрт!..

Бывает, магия не срабатывает. Редко, но бывает – даже у самых опытных чародеев. А владела ли Лой магией ветра хоть в самой малой степени?..

Она положила изломанное тело главы Кошек на сухое. Сухое стало мокрым – вода стекла с Лой, будто пропитала её насквозь, стекала, смешиваясь с кровью. Превеликие силы – нет, не дышит, пульса нет!

– Лой! Лой, ну скажи – ты ж меня испытываешь! Или... воспитываешь, правда?! Это ж всё понарошку, ты сейчас засмеёшься, скажешь: что, поверила, дурочка?!

По щекам катились слёзы, которые никто не замечал.

Лой не пошевелилась. Не засмеялась, не сказала: «Что, поверила, дурочка?». Она просто лежала, как и полагается мертвецам.

– Стой. Не уходи!..

Нотти схватила первый попавшийся камешек,дохнула раз и другой.

– Я дочь Дракона, повелителя сущего! Исцеляй!

Мокрый осколок гранита мгновенно высох, потеплел. Ноттидохнула вновь – камень засветился, засиял ослепительно-белым. Девушка лихорадочно прижала его к сердцу Кошки, и тело Лой Ивер конвульсивно дёрнулось.

– Возвращайся!.. Ну Лой, ну пожалуйста!..

– Остановись, – хрипло сказал простуженный голос. Неуклюжий толстяк в неопрятном, заляпанном грязью джинсовом комбинезоне стоял, засунув руки в карманы и привалившись к скале. – Это был её свободный выбор. Уважай его!

– О-обж... – начала было Нотти и осеклась. Отступила на шаг.

– Я не обижаюсь, – благодушно сообщил толстяк. – Это не входит в мои обязанности – обижаться на Единорогов из Неведомого клана, капризных дочерей Дракона Возрождённого.

– Я... прошу прощения, Хранитель. И ещё прошу – помоги!..

– С чем? – удивился толстяк. – Нет, извини, дорогуша. Кошка Лой хотела дать тебе урок. А я никогда никому не мешаю учиться и учить! Хотя зря, зря...

Нотти глядела на него широко раскрытыми глазами.

– Она... ты... это взаправду, что ли? Нет, нет, быть не может!

– Почему не может? Очень даже может. Даже лучшие ошибаются, когда слишком много о себе думают. Да, а камешек-то – положи, девочка, положи. Покойникам он без надобности. Хочешь, чтобы кадавры у нас тут шастали? Мало нам Серых Пределов?

Нотти растерянно опустила руку; камень по-прежнему сиял сквозь сжатый кулак.

– И мальчика зря обидела, – продолжал разглагольствовать толстяк. – Хороший мальчик, правильный. Красивый. Хотя поцеловала бы, и тебе приятно, и ему было бы что вспоминать на старости лет! Ну а что воображением не отличается – так не всем же быть потомством Единорога и Дракона! Гм, нет, не Единорога – Единорожки?.. Тоже нет, слишком фамильярно. Какой бы феминитив образовать, не подскажешь?

Вместо ответа Нотти резко прижала камень к мокрому платью Лой.

– Ты что?! – толстяк аж передёрнулся.

– Феминитив! – яростно прошипела Нотти. – Врёшь ты всё! Она... её исцелить надо, а ты!..

– Так исцеляй, – невозмутимо сказал Хранитель. – Только не выйдет.

– Почему? Я не Дракон! Я Единорог! Мы исцеляем и несём жизнь!..

– Единорожка. Только тут не принесёшь.

Камень на груди Лой Ивер крошился и распадался. Струйки света, словно кровь, бежали по пальцам Нотти, по мокрой парче, и золотистая ткань словно вспыхивала.

– Упрямисься, – заметил толстяк. – Эт' хорошо, эт' правильно. Папаша твой такой же... был. Только зря, Нотти. Чудище сотворишь, вот и всё. Прекрати.

– У неё оставалось больше, чем одна жизнь!

– Откуда ты знаешь? – собеседник Нотти философски скрестил руки на жирной груди. Для его бочкообразного тела ручки были коротковаты. – Ты их считала?

– Я знаю! Она говорила!

– Я. Могла. Соврать!

Нотти подпрыгнула и не удержалась – взвизгнула. Мёртвое тело Лой по-прежнему лежало перед ней на камнях. А за спиной оказалась ещё одна Лой – живая, вничуть не испачканном и не помятом платье, со строгим взглядом, устремлённым на девушку.

– Ты! – выкрикнула Нотти. – А это кто?

– Обжора, – мрачно глянув на толстяка, сказала Лой.

– Нет, это! – Нотти обвиняюще ткнула пальцем в мёртвое тело.

– Морок, – холодно ответила Лой. – Ты забыла, что Кошки – мастера иллюзий? Если бы ты вдохнула в него побольше силы – получился бы мерзкий кадавр.

– Но... но копировать себя! – Нотти чуть не задохнулась от возмущения. – Это неприлично! Постыдно!

– Почему? – Лой пожала плечами.

Нотти выдохнула. Покосилась на Обжору – тот стоял, с радостным любопытством наблюдая за ними. Нотти собралась. Всё-таки она была дочь Дракона и Единорожки... тьфу! Мерзкое порождение Хаоса, с его мерзкими феминитивами!

– Хорошо, – сказала Нотти, уже сдержанно. – Но зачем ты это сделала? Я испугалась за тебя!

– Я хотела проверить три вещи, – сказала Лой, медленно приближаясь. – Первое: испугаешься ли ты за меня. Ответ – да. Второе: будешь ли ты уважать мою волю. Ответ – нет. И третье: задумаешься ли ты над тем, что предлагала обычному живому человеку прыгнуть с этого обрыва. Ужаснёшься ли себе. Ответ?

Нотти молчала.

– Ответ – нет, – Лой вздохнула. – Ты ценишь близких, но безразлична к чужим. И ты не понимаешь разницы между порождениями магии и людьми. Дитя, я люблю тебя, и твои родители не зря спокойно оставляли меня с тобой нянчиться, когда уходили в Изнанку. Но... из тебя растёт очень, очень плохой Единорог.

– Единорожка! – гулко произнёс Обжора и захохотал.

Секунду Нотти стояла неподвижно, медленно заливаясь краской. Потом взмахнула руками, растворилась в воздухе и порывом жаркого ветра унеслась вдаль.

– Вот этому я искренне завидую... – прошептала Лой. – Женщина, которая умеет уйти настолько красиво, не пропадёт...

И лишь после этого она повернулась к Обжоре. Спросила:

– А ты зачем здесь? Кто позволил тебе шастать по Срединному Миру?

– Дракон, – ничуть не смущаясь, ответил Обжора. – У нас нынче войны нет. Имею право бывать у вас один день из семи. Не злоупотребляю, так-с сказать. Решил приглядеть.

– За мной? – Лой кокетливо улыбнулась.

– Сдалась ты мне, – отмахнулся толстяк. – За девочкой. Да не хмурься, не хмурься, я же не человек, я от греховных помыслов далёк...

– Ты сам по себе греховный помысел! Что ты делаешь тут?

Обжора посерьёзnel.

– Поговорить нам надо, Лой. Неприятные дела творятся.

– У вас?

– У нас, у вас... везде... Поговорить надо.

Лой огляделась. Сказала осторожно:

– Ну... допустим. Но не здесь же?

– Да уж не здесь, – покосившись на остров в море, ответил Обжора. – погоди! Ветерком я улетать не умею, я лучше дверь сделаю.

С выражением искреннего энтузиазма на лице он принялся доставать из карманов комбинезона молоток, пригоршню гвоздей (часть вонзилась ему в пальцы, но он будто этого и не заметил), длинную пилу, дверные петли, фарфоровую затейливую ручку, длинные, метра в два, гладко обструганные доски, банки с краской, кисть...

Лой вздохнула.

Почему все мужчины – даже если это и не мужчины вовсе, а порождение Хаоса, – такие позёры?

Она подошла к своему двойнику, лежащему на камнях. Наклонилась, поправила волосы, уложила фальшивой Лой руки на груди, чтобы было покрасивее.

А уже потом носком туфли спихнула тело в жадные волны.

За её спиной уже стучал молоток и визжала пила. Как Обжора ухитрялся сразу пилить-колотить, Лой понять не могла. Но не повернулась, осталась смотреть на погружающееся в воду тело.

Хоть ей и было очень интересно.

Глава первая

Виктор шагал по Москве. Утренней, умытой, тихой. Ну, почти тихой.

Хорошо шагать по Москве и чувствовать себя иностранцем. Замечать изменения, что проскальзывают мимо взглядов коренных москвичей, привычно спешащих по своим делам. И бороться с постоянным жгучим желанием крикнуть во всю глотку: да знаете ли вы, что есть рядом с вами?! Срединный Мир, чудо из чудес, где управляемые гномами паровики тащат поезда по рельсам; где магия правит огнём и ветром, землёй и водой; где слово есть власть и сила.

И где несётся по зелёному лугу белый единорог, грациозно выгнув шею.

Хорошо шагать и мысленно распевать, будто мультяшный Винни-Пух: «Хорошо быть медведем, ура!»

Хотя почему медведем?

Если он примет свой подлинный облик – с любым медведем, даже нарисованным, случится медвежья болезнь!

«Хорошо быть драконом, ура!

Не страшны мне жара и мороз, ибо пламенем дышит мой нос!..»

Тогда, в ту ночь у ворот Замка-над-Миром, когда Виктор принял судьбу Дракона, он не мог думать и не думал, как тут всё будет без него в оставленной Москве.

Что будет с работой, с друзьями.

Что будет с Викой – о которой он даже не вспомнил, едва шагнув следом за Тэль по осенней тропе.

И самое главное – что будет с мамой. Что станет с ней, когда телефон в его, Виктора, квартире, не будет отвечать день за днём, неделя за неделей. Что ей скажут в милиции, что вообще с ней будет?..

Тогда он об этом вообще не думал. Он был молод и жесток – наверное, потому и сумел стать настоящим Драконом; им без жестокости нельзя.

«Жестокость есть сила. Утратив жестокость, правители потеряют силу, и другие жестокие заменят их».

Мама постарела. Двадцать три года прошло – не шутка. Хотя Тэль старается, подлечивает, как может, при каждом визите; только мама всё равно недовольна: «Она слишком молода для тебя, сынок. И чем тебе Вика не нравилась?..»

Не нравилась, потому что был с ней от безысходности.

Но всё равно здесь, в Москве, хорошо. Хотя слишком много, на его вкус, новых гаджетов, что так нравятся Нотти и Всеволоду.

Мама так и не знает, где он живёт. Для неё Тэль и Лой Ивер плетут сложную, самоуправляющуюся иллюзию, настоящий шедевр магического искусства – в этой иллюзии Виктор выглядит куда старше, у него «ответственная работа, связанная с длительными зарубежными командировками». На её поколение слова «зарубежные командировки» действуют как заклинание, успокаивают и всё объясняют. Правда, иллюзия почему-то не распространялась на Тэль, ну или почти не распространялась, она всё равно оставалась непростительно юной.

Зато всё знала бабушка. Бабушка Вера с иссиня-чёрными волосами и янтарными глазами. Бабушка Вера, последняя из рода Владык-Драконов, перебитого магом Воздуха Ритором, Убийцей Драконов. Бабушка, что так всю жизнь и живёт в селе Перевицкий Торжок, рядом с Окой и её притоком, тихой речушкой со смешным названием Вобля. Даже до ближайшего городка – Луховиц, славных своими огурцами и сверхзвуковыми истребителями МиГ-29, – полчаса на автобусе. В детстве Виктор не понимал, почему так нравится бабе Вере эта тихая русская деревня. Озеро Большое, которым разливается Вобля, вкуснящие огурцы,

но в городе-то, в столице – всё равно лучше! Баба Вера молча улыбалась в ответ на его вопросы и гладила по голове. Лишь навестив её первый раз после возвращения из Срединного Мира, растерянный и задумчивый, ждущий и боящийся встречи, Виктор услышал рёв заходящего на посадку после испытательного полёта истребителя – и всё понял. Это был рёв Дракона.

Потом он другими глазами посмотрел на раскинувшиеся вокруг луга, подивился тому, как похожи они на привольные поля Срединного Мира. Бабушка всю жизнь скучала по миру, который её изгнал.

Вот только единорогов тут не было.

А бабушка лишь улыбнулась ему и велела садиться за стол. Тэль она молча обняла, и две женщины, юная и старая, долго смотрели друг другу в глаза, будто ведя неслышный разговор. Лишь после ужина баба Вера села напротив Виктора и велела: «Рассказывай».

Бабушке Вере на взгляд можно было дать лет семьдесят. Правда, её «сверстникам» сейчас уже за девяносто; как она ухитряется делать так, что дочь, мама Виктора, не замечает, что выглядит её ровесницей – вот загадка!

Каждый раз, побывав в Москве и навестив маму, Виктор отправлялся к бабе Вере. Им было о чём поговорить. Её интересовало буквально всё, что творилось в Срединном Мире. Электронные фотоаппараты там не действовали, но Виктор купил и освоил старую плёночную камеру – и теперь каждый раз привозил бабушке пачки глянцевых цветных фотографий. Рассматривала она их с жадностью, потом убирала в шкаф, но на предложение Виктора вернуться домой или хотя бы приехать в гости ответила твёрдым отказом. «Меня изгнали», – сказала она просто, и стало ясно, что назад для неё пути нет.

Но в этот раз баба Вера встретила его встревоженной. Встретила прямо на станции, чего раньше никогда не делала.

И вместо всех и всяческих «здравствуй, здравствуй, внучок!» с непременным упоминанием о напечённых к его приезду пирожках и блинах, врубила, словно боевым топором:

– Неладное чую.

– Да ладно, ба, что ты прямо как Баба-яга. Фу-фу, русским духом пахнет!

Бабушка нахмурилась и слегка съездила ему по затылку.

– Если б русским!.. Иль ещё каким!.. А то не знаю, не пойму никак, только знаю – стряслось что-то.

– Да что стрясись-то могло?

– Знала б – уже сказала бы! – отрезала баба Вера. – Нет у меня, Виктор, ни волшебного блюдечка с яблочком наливным, ни ещё какого сказочного гаджета. И помочь тебе только тем и могу, что о тревоге своей рассказать.

Виктор до сих пор не знал, кто она, его бабушка Вера, последняя уцелевшая женщина клана. Драконом быть она не могла, на Единорога никак не походила повадками. Может быть, просто стихийный маг? Бабушка не рассказывала и на вопросы не отвечала. Но советам её стоило доверять.

– А почему же я ничего не чувствую? – для порядка спросил Виктор. – Да и Тэль тоже...

– Молодо-зелено потому что, – проворчала ба. – Тэль твоя... всегда была вертихвосткой, всё ей на уме хиханьки да хаханьки, чужих женихов смущать... А мои кости старые как перед непогодой ломит!

– Так, может, потому и ломит? – Виктор решил благоразумно пропустить мимо ушей неожиданную реплику бабы Веры о своей супруге.

– Тьфу ты, властитель неразумный! Тебе самому корень беды искать да выкорчёвывать. Что узнаю, почувствую, о том знать дам. Да только едва ли, уж слишком хорошо спрятано.

– От кого, ба? И кто мог спрятать?

– От таких, как мы с тобой, прятали. А кто... вот это вопрос. Прирождённых-то я б учуяла, ни в каком виде б не пропустила. Так что думай, внук, крепко думай!

Виктор кивнул, всем видом показывая: думаю, крепко думаю. Прошёлся по просторной горнице (баба Вера именovala большую комнату именно так), встал у окна. За забором сидел и чесался задней лапой здоровенный серый кобель, на первый взгляд – старый волчара. Только откуда в русском селе недалеко от Москвы волки? Собака поймала его взгляд, покосилась настороженно и недобро – она оказалась одноглазой, морду рассекал шрам; потом встала и потрусилась по дороге прочь. Нет, и впрямь здоровенная псина!

– Думаю, ба, – сказал Виктор. – У вас-то странностей не наблюдается? Волки в деревню не заходят?

– Волки? – удивилась бабушка. – А! Живёт у сторожа псина, с виду чистый волк. Старый кобель, беззубый... Подкармливаю из жалости.

Баба Вера помолчала, потом всплеснула руками.

– Да что ж я стою... У меня же тесто на блины заведено, печь пора!

У неё действительно была русская печь. И дом был старый, бревенчатый, окружённый большим заросшим садом, и печь древняя, огромная, настоящая, на дровах. Виктор уплетал блины, поливая их густым янтарным мёдом, намазывая малиновым вареньем, а бабушка рассматривала свежие фотографии и между делом расспрашивала. Всё ли в порядке в Срединном Мире? Доволен ли народ? Не мутят ли воду маги? А как внуки? Какая в них проявилась сила? Как Тэль? Всё такая же юная и упрямая? Всё ли хорошо у Виктора с ней? Не ходит ли он налево?

Тут Виктор поперхнулся блином и возмущённо уставился на бабушку. Та как ни в чём не бывало развела руками и снова принялась жаловаться на смутную тревогу, на с чего-то вдруг удумавшие ныть кости, а потом, совершенно неожиданно, на повышение пенсионного возраста.

– Ты ж давно на пенсии! – удивился Виктор.

– Так я не о себе, я о народе тревожусь! – ответила баба Вера. – Мы когда-то загордились, стали нос задирать – вот и начались беды. Ты смотри, народ-то не обижай. А то сам знаешь, что в одном мире случается – то в другом отражается. У нас народ обидят, а бунтовать у тебя начнут! Или наоборот.

– Не начнут, – сказал Виктор твёрдо. – И я не позволю, и оснований к тому не дам.

Бабушка вроде как успокоилась. Но на прощание опять сказала:

– Тревожусь я. Стряслось что-то, а понять не могу. Ты подумай о том, подумай хорошенько!

И Виктор думал. Всё время, пока «Ласточка» везла его в Москву, к точке перехода.

Лишь такое чудовищное скопление человеческих эмоций, страстей, желаний, любви и ненависти способно открывать и удерживать тропы меж Изнанкой и Срединным Миром.

* * *

Эрик вначале снял футболку, потом расстегнул ремень и стащил джинсы, ловко ухитрившись сбросить их вместе с кедами. Будь он двадцатилетним накачанным юношей на людном пляже – поймал бы десятки оценивающих девичьих взглядов. Но Эрик был тощим и слегка сутулящимся юнцом лет пятнадцати, да и вокруг был не людный пляж в полдень, а пустынный вечерний берег Амурского залива и несколько ровесников.

Оставшись в одних выцветших плавках, Эрик посмотрел на Антона.

– Ну? Зассал?

– Чё ты агришься? – сказал Антон, неловко оглядываясь на ребят. – Это ж крипота!

– Го, Антоха, – сказал Эрик спокойно. – Ватафак? Так ты плывёшь? Кто первый повернёт, тот и слился.

Антон посмотрел на тёмную воду залива, в которой качались огни Русского моста. Сглотнул.

– Я выпиливаться не собираюсь, – ответил он.

– Пока, – Эрик подобрал джинсы, запрыгал на одной ноге, натягивая их. – Моё.

– Да ну тебя, хикка конченный, – Антон повернулся и пошёл от берега. – Го, парни. Пфф. Ребята пошли за ним – все, кроме Кости. Тот остался стоять рядом с неторопливо одевающимся Эриком. Подобрал футболку, протянул ему.

– Держи тишку.

– Спасибо, – сказал Эрик.

– Чё завёлся? – спросил Костя. Понизив голос, добавил: – Ты же плаваешь как отстой. Если бы он подписался?

– Антоха с темноты ссытся, – ответил Эрик. – Ночью не поплывёт.

Костя пожал плечами. Эрик был друг, хоть и странный, Антон и впрямь понтовался не по делу и подзуживал Эрика без всякой причины. Но у Кости возникло нехорошее ощущение, что обычный спор едва не кончился бедой.

– Идём?

– Нет, я домой, – Эрик пригладил волосы и словно переключился – из обычного подростка превратился в примерного старшеклассника. – Обещал родителям вернуться до десяти.

– Уже опоздал.

– Успею.

Эрик развернулся и пошёл к дороге. Костя помедлил несколько секунд, пожал плечами и двинулся к ребятам. Антон что-то громко говорил, наигранно веселясь и пытаясь увести разговоры в сторону. Всё-таки Эрик его уделал.

Автобус довёз Эрика к дому в половине одиннадцатого. Хоть он и бравировал, но не успел вовремя. Зато на четвёртый этаж Эрик поднялся по лестнице, чтобы звук лифта его не выдал, дверь открыл очень тихо и проскользнул в коридор. Может быть, родители уже спят?

Но родители не спали. Сидели на кухне и разговаривали. Эрик на цыпочках двинулся по коридору к своей комнате, ловко проскочил опасный участок напротив кухни (краем глаза заметив спину отца и стоявшую у окна мать). И уже двинулся было дальше, но замер, вслушиваясь.

– Был бы родной – иначе бы себя вёл, – сказал отец раздражённо. – Шастает до полуночи не пойми с кем...

Эрик застыл.

– Мы его воспитали, – сказала мать. – Он родной и есть.

Отец фыркнул.

– Вместе же решили, – сказала мать. – Не моя вина, что своих не родили...

– Ну попрекай меня, попрекай! – тяжело произнёс отец. – Что на работе надрывался, что здоровье загубил...

Эрик стоял, прислонившись к стене. Пытался вспомнить, когда отец жаловался на здоровье. Вроде не было такого. Да и работа у отца была спокойная – в управлении порта.

Впрочем, почему у отца?

Оказывается, что у чужого человека.

Он дошёл до своей комнаты, проскользнул в открытую дверь. Не раздеваясь, лёг на кровать. Полежал минуту, слушая бубнёж из кухни. Родители никогда особо не ссорились, да и сейчас, разве это ссора? Вот у Костяна, когда ссорятся – даже кот с синяками ходит...

Эрик достал из кармана наушники, воткнул в уши, запустил трек. Группа «Тёмный пластилин» гнала рэп – опускала Тимати и прочих старпёров по-чёрному. В дверях мелькнул силуэт – Эрик сделал вид, что не заметил.

– Эрик!

Он вынул наушники. Посмотрел на родителей.

– Ты давно дома? – спросил отец растерянно.

– Да с полчаса, – ответил Эрик. – Уроки сделал, музыку слушаю.

Мать и отец переглянулись.

– Ну... хорошо. – Отец ушёл. Мать постояла, потом зашла, прикрыла дверь. Села на кровать.

– Что... мам? – спросил Эрик.

Она почувствовала заминку. А он не смог её спрятать. Или не захотел. Обычно у него всё получалось – как сегодня, когда пришлось ругаться с Антоном. Эрик мог быть своим в любой компании, мог общаться с кем угодно и кого угодно убедить в своей правоте. И мать мог убедить. Но сейчас – будто не захотел.

– Ты слышал, – сказала мать.

Эрик молчал.

– Мы тебя любим, – сказала мать. – Отец просто переживает, он тоже тебя любит. Он сгоряча... от волнения.

Эрик подумал, что это, в принципе, правда. Может и получал он порой выволочки, а пару раз, в детстве, ремня по заднице – но всегда по делу. И подарки ему дарили хорошие, и прикид был правильный, и когда он заболел китайским гриппом – отец и мать сидели рядом, переживали...

– Да всё в порядке, мам, – сказал Эрик. – Ты чего вообще?

Мать заколебалась. Понимала, что сын услышал правду, но хотела верить, что ничего не произошло.

– Спи давай, – она натянуто улыбнулась. – Завтра в школу.

– Завтра суббота, – поправил Эрик. И зевнул. – Но я сейчас, да. Буду спать.

Мать вышла, поглядывая на него. Он остался лежать. В груди бухало сердце, было противно и тоскливо, хотя с чего бы вдруг? Антон с мачехой живёт, Костя с отчимом. Наверняка среди компании есть и приёмные ребята. Что он распереживался? Не младенец, чтобы сопли на кулак наматывать.

Но что-то изменилось.

Даже не в его отношении к родителям. Оно, пожалуй, хуже не стало.

Но словно... словно якорь какой-то оборвался.

Эрик даже обрадовался, когда поймал себя на этой ассоциации. Оборвался якорь. Его что-то держало, крепко-накрепко, и он к этому привык, смирился. А теперь свободен.

Эрик встал, кровать слегка скрипнула. Подошёл к окну. Сквозь деревья и дома виднелся краешек моста над бухтой Золотой Рог. Владивосток – красивый город, Эрик его любил: и летний – тёплый, и зимний – промозглый, и осенний – дождливый, и весенний – туманный.

Но сейчас он вдруг ощутил, что город – чужой.

А ему надо... надо... туда...

Без всяких прощаний и записок. Они всё равно никого не успокоят и ничего не изменят. Если корабль сорвало с якоря, то он отдаётся на волю волн. А родителям, наверное, тоже стоит побыть без него. И решить, кто он для них.

* * *

В старой однокомнатной квартире, куда некогда он, Виктор, привёл явившуюся за ним Тэль, всё осталось по-прежнему. Видавшая виды, советская ещё мебель, потёртый, но любимый плед, книги на полках. Туда, в обиталище Дракона-хранителя, он взял всё новое, словно часть души непременно должна была остаться в этих стенах.

А на полке внимательно глядел чёрными пластмассовыми глазами собранный из «Лего» дракон.

Нотти возилась с ним чуть ли не месяц. Но – собрала и настояла, чтобы он стоял у папы «в другом доме».

В квартире было тихо и чуть затхло. Но думалось Виктору лучше всего именно здесь.

Никогда за все двадцать три года баба Вера не была так встревожена. А чутью её Виктор доверял. Что же могло случиться – здесь, в Изнанке? Кто-то опасный ищет дорогу в Срединный Мир? Чепуха, волшебство здесь не развито, оно противостоит для рационального и логичного человеческого мира. Люди порой проявляют волшебный дар или просто становятся чужды миру Изнанки, тогда он их выкидывает, выбрасывает, они находят тайные тропы или скрытые двери – и попадают в Срединный Мир. Кто на радость себе и другим, кто на горе. Кто становится магом, кто живёт обычной жизнью, но большой беды от того нет.

А может, в Срединном Мире появился новый Убийца Драконов? Однако в прошлый раз его творили всеми кланами, было восстание – как следствие возмнившего о себе правителя, была война – Драконы против всех. Теперь же тишь да гладь. И зря тревожится баба Вера, правителем Виктор был строгим, но справедливым, простые люди его побаивались, но уважали, магам тоже не приходилось жаловаться.

Тогда что же?

Опасность из Мира Прирождённых, которую баба Вера почувствовала даже сквозь барьер Срединного Мира?

Некоторое время Виктор размышлял об этом. Отношения с порождениями Хаоса и магии никогда не были хорошими. Но после того, как он дал отпор флоту вторжения (Виктор нахмурился и потёр лоб – не хотелось вспоминать), открытых конфликтов не было. Он даже разрешил Обжоре – после долгих переговоров и клятв, хотя что значат клятвы для Прирождённых? – посещать Срединный Мир.

Наверное, зря.

Прирождённые никогда не успокоятся. Их сотворённый Хаосом мир – сплошная магия. Они рвутся к Изнанке, как положительно заряженная частица стремится к отрицательно заряженной. Смысл их существования – взбаламутить, нарушить порядок вещей, опрокинуть всё, от законов человеческих и до физических констант.

Видимо, что-то удумали.

Что ж, придётся поговорить с Хранителем. Поговорить как Дракон. Как повелитель Срединного Мира, как уроженец Изнанки. Он в ответе и за свою родину, и за мир, ставший новым домом.

Приняв решение, Виктор сразу успокоился.

Он включил телевизор на новостном канале, сделал звук погромче и отправился на кухню. Путь домой неблизкий, бабушкины пирожки и блины остались в прошлом (метаболизм у него теперь был совсем другим, драконьим). Надо перекусить.

Раз в неделю квартиру Виктора навещала женщина из клининговой конторы, с которой был заключён договор. Наверное, она считала эту работу подарком судьбы – прийти в пустую тихую квартиру, пропылесосить и смахнуть пыль (честно говоря, этим она сильно не утруждалась) и заполнить холодильник продуктами по списку. Старые, но ещё не успевшие испортиться продукты она забирала себе, и это служило гарантией того, что на полках всё будет самое лучшее.

Виктор открыл дверцу холодильника, вспомнив старую шутку, что «даже пустой холодильник имеет в день два-три просмотра». Яйца – он улыбнулся, вспоминая, как Тэль кормила его яичницей со скорлупой. Курица в упаковке. Колбаса, сыр. Хлеб. Молоко, творог. Бутылка вина.

С курицей долго возиться, а вот вино с сыром – это замечательно.

Виктор быстро накромял ломтями твёрдый швейцарский грюйер (раньше он настаивал на английском чеддере, но потом возникли какие-то проблемы, с которыми он не стал разбираться, и чеддер исчез), открыл вино – холодный и ароматный совињон. Мимоходом подумал, что бабушка бы укорила его за то, что сыр и вино «заморские». Бабушка была очень патристична – так бывает с людьми, которые благодарны новой родине. Ладно, надо будет велеть покупать лучший российский сыр. И вино. Он где-то слышал, что в России начали делать хорошее вино. Кстати, а зачем бутылку вина-то менять каждую неделю? Оно ведь не прокиснет... Ох уж эта прислуга, во всех мирах любит выпить хозяйское...

С сыром и вином он вернулся к телевизору, сел перед экраном. Новости не слишком-то радовали – где-то опять случайно сбили самолёт, где-то началась эпидемия, экономисты ждали нового кризиса, крупного полицейского чина арестовали за взятки, кинопродюсера обвиняли в том, что сорок лет назад он сделал актрисе двусмысленный комплимент, что является явным посягательством и домогательством... В России беды были одни, в других странах другие, но безмятежности и спокойствия не было нигде.

Насколько всё лучше в Срединном Море!

А так ли уж лучше?

Виктор сделал большой глоток вина, закусил сыром.

Просто в Срединном Море мелкие конфликты решают на уровне бургомистров и городских старейшин. Средние – гасят маги, каждый клан отвечает за ту или иную территорию. Ну, а уж если заварушка крупная или несправедливость совсем большая – дело выходит на его суд.

Но всё ли так хорошо, как он привык думать?

Если нет покоя в Изнанке, то лихорадит и Срединный Мир.

Надо, надо стряхнуть самодовольное спокойствие и заняться делами государственными посерьёзнее!

И в этот момент в дверь позвонили. Долго, уверенно.

Виктор крикнул, сделал глоток из бокала и пошёл в прихожую. Не заглядывая в глазок, открыл.

Двое мужчин. Один помоложе, интеллигентный, гладко выбритый, похожий на студента-старшекурсника или аспиранта, другой старый, седовласый и бородатый. Казалось, они были удивлены тому, как легко им открыли.

– Да? – спросил Виктор.

– Телеграмма, – сказал молодой.

– Вы что, телеграммы вдвоём носите? – удивился Виктор.

– Он стажёр, – быстро произнёс старик.

– А, – Виктор кивнул. – Логично. Ну, давайте.

– Что? – придушенно спросил молодой.

– Телеграмму!

Молодой и старый переглянулись.

– Я же говорил! – с неожиданной плаксивостью воскликнул молодой. – Мы не готовы!

– К чёрту! – выругался старик.

И вскинул руку, направляя её на Виктора.

Ощущение было – словно ударило боксёрской грушей. Случился с Виктором в юности такой конфуз, после чего он с боксом завязал.

Виктора отбросило назад шага на три-четыре, он не удержался на ногах и упал, больно ударившись копчиком.

Это что такое было?

Старик же его не коснулся!

Если честно, то выглядело всё так, будто Виктора ударило магией. Но он же в Изнанке!

– Зови! – тем временем скомандовал старик своему спутнику, и фальшивый «стажёр» кинулся вниз по лестнице. Старик же стал медленно приближаться к Виктору, по-прежнему держа руку перед собой. Нечто вроде невидимой мягкой стены пригибало Виктора к полу, не давая подняться.

Да, это магия. Какая-то стихийная, сразу и не разобрать. Либо воздушный «пресс», либо магия Земли.

Страх, впрочем, не было. Виктору нечасто приходилось творить волшебство в Изнанке – чаще уж этим занимается Тэль, то здоровье свекрови подправляя, то что-то с бабой Верой колдуя. Но была пара случаев, когда и Виктор, забывая о том, где находится, совершал чудеса.

Однажды столкнулся с пути мчащегося автомобиля парнишку на велосипеде – тот ушибся, но зато остался жив. В другой раз Виктор, встретив знакомого, с которым вместе учился в институте, вдруг почувствовал в его крови затаившуюся смертельную болезнь, о которой тот и сам-то не подозревал, или подозревал, но отказывался верить. И Виктор, не размышляя, интуитивно вычистил из него заразу, исцелил. После обоих случаев ему было нехорошо, дурно, до самого возвращения в Срединный Мир он маялся слабостями и болями. Но магия работала и здесь, просто брала за это высокую цену.

Значит, надо быть осторожным. Он справится с этими неожиданными изнаночными колдунами; а заодно и выяснит, откуда они взялись, такие умелые.

– Лежи и не двигайся, – велел старик. – Понял, кто мы такие?

– Нет! Кто? – воскликнул Виктор искренне. И гораздо менее чистосердечно добавил: – Что вы сделали? Как это?

– Всё ты понял, – зловеще сказал старик. Виктор обратил внимание, что двигается тот совершенно спокойно, не оглядываясь, не стреляя глазами по сторонам. Значит – уверен, что Виктор в квартире один. И уже бывал тут. В холодильник, небось, заглядывал. В шкафах рылся. Старенький ноутбук включал. В унитаз, небось, поссал, по-стариковски медленно и натужно.

– Ничего я не понял!

– Мы из ордена Красных Беретов, – сказал старик торжественно.

Вот это точно ничего не разъясняло!

– Чего? Каких ещё беретов?

– Красных, – сказал, входя, ещё один пожилой мужчина. Был он горбоносый, видать с какими-то кавказскими кровями, с шевелюрой пышной и не тронутой сединой – может, и парик, а может, хорошая генетика. За его спиной суетился в подъезде молодой «стажёр» и с жадным любопытством смотрела женщина средних лет. Симпатичная, только лицо очень жёсткое, со следами тяжёлых боёв за красоту.

Троица вошла, «стажёр» закрыл за собой дверь.

– Да кто вы такие? – взмолился Виктор, не делая попыток встать. – Что вы хотите? Деньги? Берите!

– Усадите его, – игнорируя вопросы, сказал пожилой.

– Связать? – услужливо спросил «стажёр».

– Не надо, – решил «кавказец». – Мы же не враги. Мы поговорить пришли. Помощи попросить.

Глава вторая

Виктора усадили в то самое кресло, где он смотрел телевизор. У телевизора убрали звук, но выключать не стали: люди к светящемуся экрану относятся как к камину – светит, и пускай. «Кавказец» с любопытством взял бутылку, посмотрел, понюхал, одобрительно кивнул. «Стажёр» метнулся на кухню и принёс ему чистый бокал. Опять же – быстро принёс, знает, что где стоит. Женщина стала у окна, она до сих пор не произнесла ни единого слова. Старик остался за спиной Виктора, положив руки на спинку кресла.

– Ваше здоровье, – сказал «кавказец», протягивая Виктору его недопитый бокал.

Виктор не стал спорить. Сделал глоток, вопросительно посмотрел на «кавказца». Похоже было, что тот здесь главный.

– Мы – орден Красных Беретов, – сказал «кавказец» торжественно.

– Спецназ? – спросил Виктор.

– Нет, те – краповые, – поморщился «кавказец». – Красные береты – у военной полиции.

– А разве краповые – не красные? – не унимался Виктор. – И чем я заинтересовал военную полицию? Я доктор!

«Кавказец» вдруг громко расхохотался. Сказал:

– Вы молодец, Виктор. Но переигрываете. Вас только что уложили на пол магией, а вы интересуетесь всякой ерундой... Мы не имеем отношения к полиции, армии, спецслужбам. Называем себя так совсем по другой причине, которую вам знать не обязательно.

– Так кто же вы?

– Мы – маги, – торжественно ответил «кавказец».

– Колдуны, – пробурчал за спиной Виктора старик.

– Да как угодно, – поморщился «кавказец». – Мы – люди, которые имеют дар волшебства.

Вот...

Он торжественно поднял свободную руку – и на ладони заплясали язычки пламени.

Ага. Огненный маг. Старик, вероятно, Земляной.

– И они? – спросил Виктор недоверчиво.

Женщина развела руками – по комнате пронёсся порыв ветра, волосы её распушились, разлетелись облаком. Выглядело это эффектно. Парень-«стажёр», откровенно рисуясь, протянул руку к бутылке с вином – жидкость заклокотала, тонкой струйкой, вопреки законам физики, полилась вверх и, потянувшись бурлящей нитью через комнату, устремилась в рот юноше.

Надо же! Четыре Стихийных мага! Весь комплект!

– Двадцать три года назад, – скучным голосом сказал «кавказец», – вы, обычный московский врач, исчезли почти на полгода. Вас искала мать, вас искала ваша женщина. Милиция вас искала, пусть и нерадиво. А вы нашлись сами. Появились на неделю. В антикварных салонах продали за бесценок несколько старинных украшений, идентифицировать которые так и не удалось. Ну... как за бесценок. Дорого. Но раз в десять дешевле, чем они того стоили! Вы разорвали отношения с бывшей подругой, сказав, что полюбили другую. Успокоили мать. В милиции написали заявление, что с вами всё в порядке, занимались духовными исканиями. И бутылку дорогого коньяка подарили, чтобы уж совсем все успокоились. С тех пор вы появляетесь в Москве три, а то и четыре раза в год. Иногда один, иногда с юной женой. Потом с маленьким сыном. Потом с сыном и дочерью. Но откуда приезжаете и куда уезжаете, где живёте и работаете – никто не знает.

– Это запрещено? – спросил Виктор.

– Нет, – ответил «кавказец» и снова отхлебнул вина. – Меня зовут Георгий.

Виктор пожал протянутую руку. Вопросительно посмотрел на остальных.

– Дарья, – произнесла женщина неохотно.

– Алексей Николаевич, – пробормотал «стажёр».

– Святозар Любимович, – густым голосом сказал старик из-за спины.

– Виктор, но вы и так знаете, – Виктор улыбнулся.

– Итак, – продолжал Георгий. – Вы видели, что мы можем, и не удивились тому. Значит, с магией прекрасно знакомы. Ещё одна чудесная деталь – вы выглядите точно так же, как четверть века назад! Вы не стареете!

– Хорошая наследственность, – буркнул Виктор.

– О да. Ваша бабушка тоже выглядит значительно моложе своих лет. И слывет... ведьмой. Виктор напрягся.

– Теперь о нас, – продолжал Георгий. – Мы – маги.

– Колдуны... – негромко пробормотал Святозар Любимович.

– Нас мало. Но мы знаем, что рядом с нашим миром есть и другой. Волшебный. Мир, где такие, как мы, должны жить! Где наша сила проявится в полной мере. Где мы тоже сможем продлить свою жизнь, обрести заслуженное уважение и почёт. И вы, Виктор, вероятно унаследовав эту тайну от своей бабушки, знаете туда дорогу. Полагаю, вы тоже – маг.

Старик крикнул, но поправлять не стал.

Виктор размышлял. Его неожиданные пленители были на удивление точны. Разве что про унаследованную от бабушки тайну «дороги» ошибались, он унаследовал совсем другое – кровь Драконов и великих магов.

– Что вы хотите? – спросил Виктор.

– Разве непонятно? – удивился Георгий. – Вот только давайте без глупых споров, отказов, уверений – ни к чему хорошему они не приведут.

– Готовы бросить наш мир, отправиться в чужой и незнакомый? – спросил Виктор.

– Да! – едва ли не хором ответили четверо.

– Не думайте, что там всё просто, – сказал Виктор. И увидел, как расцвели лица волшебников, когда он сознался в их правоте.

– Не думаем. Так что – проведёте?

– Сколько вас? – спросил Виктор.

– Достаточно, – уклончиво ответил Георгий. – Но остальные слабы и не готовы. Мы пойдём вчетвером, а уж потом решим, вернуться ли за ними.

Ну надо же! Какие у них планы!.. И слишком уж умелы эти четверо; так вино через комнату струйкой отправить – долго учиться надо. Метода проб и ошибок мало. Нужно не только «средство» к магии – нужны формы, заветы, знания. Нужен учитель.

Конечно, если вдуматься, можно представить какого-нибудь Ритора, ушедшего на склоне лет в Изнанку. Вот как баба Вера. Но он должен был владеть тогда всеми четырьмя Стихиями, а такого не бывает.

С другой стороны, а что тут плохого? Появились они и появились. Обучились где-то и обучились. Магам в Изнанке не место. Волшебство здесь слабо и противоестественно, даже лёгкие заклинания искажают земную реальность, несут беду. Изнанка сама выпихивает магов в Срединный Мир, так почему бы и не помочь?

Ведь и эти их чары, коими они так гордились, он бы легко перешиб. Даже здесь, в чуждом магии мире.

– Вам надо подготовиться? – спросил Виктор. – Собрать вещи, кого-то предупредить?

Маги замотали головами.

– Всё внизу в машине, – сообщил «стажёр» Алексей.

– Хорошо, – решил Виктор. – Вы говорите честно... только зря начали с агрессии. Я вас отведу в Сре... в волшебный мир. Там наставления, объясню, что и как. Дальше сами.

– Решено, – быстро сказал Георгий. – А за резкость простите, мои друзья переволновались. Мы же вас четвёртый год караулим!

– Готовы заплатить за услуги, – неожиданно добавила Дарья.

– Спасибо, не надо, – ответил Виктор. Протянул руку, взял свой бокал.

Может, эта четвёрка и есть та проблема, что волновала бабушку Веру? Почуяла она их? Как-никак, а вычислить его они смогли. Задача нетривиальная – он всё-таки не миллениал, в отличие от детей, ни фейсбука у него, ни вконтакте, ни одноклассников, прости Господи. И даже телефон у него по-прежнему кнопочный.

Нет, едва ли. Скорее уж этот горбоносый Георгий вхож в какие-то, как теперь принято говорить, «силовые структуры». В общем – невелика опасность. Пока он не проведёт магов в Срединный Мир – ему ничего не грозит.

А уж в Срединном Мире – ему не опасно вообще ничего!

– За знакомство, – сказал Виктор, чокаясь с Георгием.

К переходу они отправились на машине Красных Беретов – вместительном внедорожнике «Мерседес». Видимо, профессия мага, даже лишённого почти всех сил, в Изнанке приносила неплохой доход. Виктора усадили рядом с водителем – Святозаром Любимовичем, всю дорогу извинялись за вторжение и расспрашивали о Срединном Мире.

Виктор счёл, что ничего плохого в рассказе не будет. Он даже начал сочувствовать этим людям, родившимся с магическим даром в мире, почти лишённом магии. Похоже было на то, что продемонстрированные фокусы, слабое управление Стихиями, были вершиной того, что маги могли сотворить. Из вопросов и обмолвок Виктор понял, что помимо этой четвёрки имелось ещё от силы два десятка чародеев, но куда слабее. Несколько умели превращаться в зверей – но почти не контролируя себя. У кого-то были более слабые стихийные силы. Несколько женщин обладали даром очарования и обмана, видимо – Кошки.

Виктор взял себе на заметку, что раз уж такое странное сообщество образовалось, то надо ему будет присмотреться к остальным и, возможно, помочь перебраться в Срединный Мир. Так всем будет полезнее.

Они оставили машину на стоянке, причём Виктор обратил внимание, что Святозар Любимович оплатил место – и не на час, не на два, а на трое суток. Собирались посмотреть и вернуться?

В Серебряном Бору, ныне ухоженном, застроенном, ничуть не напоминающем то вольное место, обитель нудистов и геев, что в девяностые годы, всё теперь было иначе. Людей богатых вокруг стало жить много, и были это не диковатые «новые русские», а граждане остепенившиеся, обзаведшиеся жёнами и детьми. Им совершенно не хотелось лицезреть из окон голые задницы и скоротечные романы. Август месяц выдался тёплым, на пляжах хватало купающихся, плавали какие-то лодочки-яхточки. Дорожки были аккуратно выложены плиткой, повсюду стояли фонари, некоторые уже зажглись – вечерело. Но народ не спешил расходиться, значит, не было и прежней преступности. Гуляли целыми семьями, гуляли молодёжными компаниями – и вот что удивительно, почти никто не пил. Даже пиво распивали редко-редко, о водке и слова не было. И не дымил каждый встречный, молодёжь так прямо шарахалась от редких курильщиков и глядела на них неодобрительно. Мелькали во множестве велосипедисты, роллеры, люди всех возрастов на электрических и обычных самокатах, моноколёсах и сигвеях. Благодать! Чем-то это напоминало любимую в детстве книжку про Незнайку в Солнечном городе.

«Как похорошела-то Москва!» – подумал Виктор, расчувствовавшись. Неудивительно, что Нотти так любит визиты на папину родину. «Был бы у нас климат потеплее – стали бы лучшим городом на Земле!» – продолжил размышлять Виктор. Всё-таки не мог он до конца вытравить из себя это «у нас» – хоть и прожил в Срединном Мире почти столько же, сколько в Изнанке.

– Далеко ещё? – спросил Георгий.

– У перехода нет точных координат, – пояснил Виктор. – Есть лишь зона, где пространства наиболее сблизились, и завеса между мирами истончилась. Но предупреждаю – даже здесь перейти могут лишь те, кто истово хочет отринуть старый мир. Ну, и маги.

– Мы – маги, – зачем-то сказал «стажёр». – И мы хотим.

– Вижу. Значит, перейдёте.

– А ты сам-то – маг? – уточнил вдруг Святозар Любимович.

– Вроде того, – признался Виктор. – Но на нашей Земле никаких способностей не ощущал. Меня провели в иной мир.

– Девица твоя? – это опять подал голос «стажёр».

Всё-то они развели, всё-то они знают.

– Да.

– Молода она для тебя.

– Внешность обманчива, – сказал Виктор. – Мне сколько на вид? То-то. А некоторые и состарились, да ума, как у малолетки.

Алексей засопел, но тему сменил.

– И много там таких... наших? Попаданцев?

– Кого? – удивился Виктор.

Они уже свернули с исхоженных дорожек, инстинкт вёл его, тащил за собой, а сбившимся вокруг Красным Беретам оставалось лишь следовать за Виктором.

– Тех, кто попал в иные миры, называют попаданцами.

Виктор рассмеялся.

– Да есть такие, да...

И в этот миг в глазах будто помутнело, в лицо ударил холодный ветер, ноги скользнули по талому снегу. Вечер стал светлее.

– Добро пожаловать! – сказал Виктор гостеприимно.

Маги стояли, разинув рты, оглядывались ошалело и восторженно одновременно. Они оказались на опушке леса, мрачного и древнего, ничуть не похожего на московские парки и лески. Снега было немного – весна всё-таки, но в тенистых местах он ещё лежал. Речушка поодаль, с низкими топкими берегами, конечно, уже вскрылась ото льда, но вода была серой, холодной. Это там, на берегу Горячего моря, всё уже цветёт, люди празднуют приход весны. Здесь пока никто не сеет, не выгоняет застоявшийся за зиму скот на первую травку.

Да и немного, честно говоря, тут жителей. Никто не любит селиться близко к Серым Пределам.

– Вот мы и дома, – сказал Виктор удовлетворённо. – Здесь наши пути расходятся. Вам туда, – он показал рукой. – Часа два хода, перейдёте овраг, выйдете на старую дорогу. По ней ещё с час, и будет посёлок. Там безопасно. Хороший трактир, можно заночевать и смело отужинать.

– А ты? – спросил, помедлив, Георгий.

– Мне в другую сторону. Я вам помог, обиды не держу. Обживайтесь.

Маги переглянулись.

Георгий задумчиво поднял ладонь. Шевельнул губами. Из ладони ударила в небо десятиметровая свеча огня. Маг вздрогнул, но от крика удержался. С некоторой запинкой потушил волшебное пламя.

– Осторожнее! – сказал Виктор. – Тут ваша сила проявилась в полной мере! Не поубивайте друг друга!

Алексей Николаевич (несмотря на юность парня, Виктор мысленно называл его так, как тот представился) посмотрел на реку. Из реки вспух серый, колышущийся водный пузырь размером с большую машину, а то и с танк. Повисел в воздухе, тяжело упал исполинской каплей

назад, в реку. Зато струя воды метнулась к парню – и закружилась вокруг его пояса толстым, гудящим обручем.

– Только один раз такое удавалось! – радостно воскликнул парень.

Да, а они кое-что умели!

– Вижу, враги вам тут не страшны, – сказал Виктор. – Ну, удачи!

– Постой, – Георгий явно колебался. – За помощь спасибо, но мы тебя ещё не отпускали.

Виктор нахмурился. В груди родилась и стала подступать к горлу жгучая злоба. Забухало в висках.

– И? – спросил он.

– Пойдёшь с нами, – решил Георгий. – Расскажешь побольше об этом мире. Проводником поработаешь. Потом заплатим.

Святозар Любимович согласно кивнул.

– Да вы ума лишились, – сказал Виктор. – И совести! Вы на меня напали, но я вас простил, привёл...

Земля ушла из-под ног, расступилась – и Виктор провалился в неё по горло. Мокрый снег полез за воротник рубашки, холод и сырость охватили тело. Только что топнувший ногой Святозар смотрел на него, явно удовлетворённый результатом.

– Не надо спорить, – сказал Георгий примирительно. – Не сделаем мы тебе ничего плохого. Если вести себя будешь хорошо. Ясно?

Виктор, остолбенев, смотрел на магов снизу вверх.

Что это – глупость? Самомнение? Впрочем, самомнение – всегда глупость. Вот так вот взять и напасть в другом мире на человека, не зная ни сил его, ни возможностей...

Он закрыл глаза.

Огненная ярость нетерпеливо шевелилась в груди. Шептала: «Сожги! Сожри!»

Виктор потянулся – и вырвался из плена. Комья земли падали с чёрной чешуи на головы незадачливых магов, сразу оказавшихся внизу.

Дракон взревел и выпустил струю огня поверх голов.

Хозяин Срединного Мира вернулся, и он был очень зол.

Нет, не так. Он был очень обижен.

* * *

– Вот теперь знаю, за что тебя терпит наш Дракон.

Лой Ивер грациозно опустилась в кресло. Закинула ногу на ногу, чуть прищурилась; от этого взгляда теряли головы все без исключения персоны мужеска пола, от впервые надевших длинные штаны и до улёгшихся на смертном одре.

– Да? И за что же?

– За фантазию твою, Обжора. Подозреваю, у Владыки ты заместо шута, и даже не горохового.

– Эг' точно, – поддакнул толстяк. – Погремушки-то у меня нет!..

За сооружённой на каменистом берегу дверью оказалась хижина, неубранная, неопрятная, со здоровенным закопчённым котлом посредине, сиротливо зависшим над погасшим очагом. Посреди хаоса и развала, старых изломанных вещей, драных полосатых свитеров и заносенных до дыр джинсовых комбинезонов застыло высокое парчовое кресло, словно только что из дворца.

В него Лой и опустилась, едва войдя в хижину – быстро, не оставив толстяку шанса сесть: других кресел или стульев тут не имелось. Украдкой глянула в окно – где она оказалась, куда её провёл Прирождённый? За окном был пустынный морской берег, волнующееся серое море, низкие тучи. Неужели она в Мире Прирождённых? Однако...

– Я тебя слушаю, Хранитель.

Обжора досадливо дёрнул щекой.

– Ничего не храню, да ничего и не теряю. Никакой я не Хранитель. Не знаю, с чего Владыка ваш так меня величает. Варил я тогда зельецо, варил, не отрицаю, Дракона творил, из всего, что под руку попадалось; вот, видать, господин наш и решил...

– Ты был тогда у ворот Замка-над-Миром, – негромко напомнила Лой. – И выглядел совсем иначе. Я так до конца и не поняла – на чьей ты был стороне? За Срединный Мир или за Прирождённых? За Владыку – или за то страшилище, что он сразил?

– Многовато вопросов задаёшь, красавица, – фыркнул Обжора. – Усложняешь всё. Стороны какие-то приплела. Вспоминаешь невесть что. Привиделось тебе, дорогая, как есть привиделось! Ты ж там одну жизнь оставила, нет?

– Словами бросаться мы можем долго, – нахмурилась Лой. Нет, жалко всё-таки, что Обжора – не человек, и обычные приёмы Кошки на него не действуют. – Давай к делу, коль по-людски не желаешь.

– Так я нелюдь и есть, – хохотнул Обжора. – Мне положено. Впрочем, ладно. Права ты. Не для того я тебя звал, Кошка, чтобы словесами перекидываться. Неладно у нас. Вот в чём дело.

– «Не “у нас”, а “у вас”», – вспомнила Лой одну из любимых цитат Нотти.

– И у нас, и у вас! – вдруг обозлился Обжора. С хрустом впихнул сжатые кулаки в карманы, словно боясь пустить их в ход. – И там, откуда Владыка наш, в Изнанке, тоже!

– Так в чём дело-то?

Обжора досадливо отвернулся.

– Не знаю. Стой, погоди, Кошка!.. Избавь меня от цветов твоего несравненного остроумия. Нутром чую, неладно. Знаешь, если объешься, бывает, мутит и голова плывёт?.. Вот и у меня такое. Словно сдвинулось что-то, с места сошло. Покатился камушек, а сорвёт ли лавину – уже от нас зависит.

– Какой камушек? Какую лавину? – рассердилась Лой. – Хранитель, я знаю, ты... многолик. Но, прошу тебя...

– Не на месте одно что-то. Вывалилось, выпало, покатилося, затерялось. Что именно? – сам искать буду и тебе посоветую, Кошка. Что из ряда вон? Чего не случалось никогда? Петух замычал, корова вскукарекнула, жаба заорала!..

– Жабы очень даже орут, – Лой вновь вспомнила Нотти и её «приколы», как девчонка это называла.

– Ищи необычное, – Обжора очень посерьёзnel. – Аномалии. У тебя сети, я знаю, от Серых Пределов до Горячего Моря. Ищи! И коль ничего не найдёшь, можешь надо мной смеяться сколько угодно. Разрешаю.

– Спасибо за ценные указания, – насмешливо поклонилась Лой. – С вашего разрешения, я тогда откланяюсь, высокочтимый Хранитель. У меня, видите ли, одна донельзя строптивая юная Единорог...

– Единорожка.

– Единорожка, – уступила она. – Которая может сейчас таких дров наломать!..

– Вот когда она перестанет ломать дрова, тогда ясно – пора бить тревогу.

* * *

Дракон был ужасен.

Забудьте про сказки, где у него – дырка в чешуйчатой броне. Или его легко обмануть. Или он падок до красавиц.

Нет, до одной красавицы Виктор был вполне себе падок, это верно. Но...

Поток огня, овеществлённой магии, ударил на десятки метров. Растёкся по водной глади, и река словно вспыхнула.

Взвыл в ужасе ветер, вздрогнула земля, деревья пригнуло, жалобно заскрипели старые стволы: пожалей, не губи, Владыка!..

И он сам был сейчас пламенем, истребительным, всепожирающим. Он – Крылатый Владыка, он хозяин Срединного Мира, и никакие колдунишки не смеют встать пред ним!..

Они и не стояли. Они уже лежали, вбитые в грязь, прижатые не только пронёсшимся над головами огненным потоком, но и извергнутой магией. Силой, чистой, какой может быть только мощь драконьего пламени.

Нет, они не сдались без боя, эти чародеи. Виктор ощущал лихорадочно возводимые «блоки» – его бы это остановило не больше, чем стенка из детских кубиков.

Он расправил крылья, выпрямляясь. Склонил голову, глядя на слабо копошащихся во прахе человечков. Один огненный выдох, одно движение его челюстей...

– Нет, папа! Как ты можешь!

Он словно наяву услышал неодобрительный голосок Нотти.

– Ты не такой! Ты не как они были!..

«Я не такой, дочь, но, если хотя бы изредка не побуду *таким...*»

Однако же он замешкался. Ненамного, но всё-таки.

«Я не такой, дочка...»

Георгий опомнился первым. Взглянул очумевшим взглядом, вскинул руку; вокруг пальцев клубились язычки огня, синеватые, словно ладонь обратилась газовой конфоркой. Обернулся к своим.

Юноша Алексей Николаевич попытался изобразить что-то водяное. И даже вытянул из реки струю воды, чем-то напомнившую водяной бич Наказующих.

Маг – то есть, простите, колдун – Святозар Любимович сумел набросить земли Виктору на ноги. То есть, простите, дракону на лапы.

И только женщина по имени Дарья застыла на коленях, глядя на Крылатого Владыку с ужасом и восторгом.

Ох ты ж, нелёгкая...

Злость уже не кипела, не душила. Но проучить наглецов следовало.

Хвост дракона с шипением рассёк воздух, ударил, взметнулись фонтаны земли. Куда-то в небеса канул файербол (огнешар, как наверняка поправил бы колдун Святозар), запущенный Георгием: бледная искорка, тотчас поглощённая серым небом.

Все трое магов трудно ворочались в прибрежной грязи, куда их отправил взмах бронированного хвоста и малая толика магии Воздуха.

Дарью Виктор не тронул.

– Встать! – проревел.

Она поднималась, трясясь и не сводя с него взгляда.

Абсолютно безумного.

Так смотрели люди в том вагоне, прежде чем вспыхнула дикая и кровавая драка, бессмысленная и абсолютно беспощадная.

– Вы подняли на меня руку.

Дарья вдруг схватила за горло, рот искривился, глаза полезли из орбит.

От реки ударило огненным потоком – Георгий не был трусом, отнюдь. Пламя потекло по крылу, вовремя поднявшемуся для защиты, и вот тут уже Крылатый Владыка в сознании Виктора вырвался на свободу.

Шипы на оконечности хвоста пробили Георгию плечо, острие прошло насквозь. Тот закричал – тоненько, отчаянно, словно придавленный котёнок.

Добить! Разорвать! В клочья!

– Пощады, великий!.. – взывала Дарья, бросаясь к Виктору.
Он её ударил.

Даже не ударил, отбросил. Оттолкнул жуткой когтистой лапой – куда там мастерам спецэффектов, рисовавших своих годзилл и им подобных!..

Женщина упала. И зарыдала, отчаянно, навзрыд.

Юноша – маг Воды и колдун Святозар – Земляной уже не пытались двигаться. Застыл лицом вниз Георгий в луже крови.

– Вы – ничто, – проревел Дракон перед ними. – Вы прах и пепел. Ваши жизни в моей воле. Покоритесь, или...

– Мы... мы покоряемся, великий дракон, – кое-как выдавил Алексей Николаевич.

– Мы пощады просим, – мрачно сказал колдун Святозар. – Эх, Георгий...

Женщина Дарья, исцарапанная, растрёпанная, уже склонилась над Огненным магом.

– Прости его, великий д-дракон!..

– Он не изъявил покорности. – Виктору потребовалось немалое усилие, чтобы вернуться в человеческий облик. Кипящая внутри ярость угасла ещё не до конца.

– Он истекает кровью!..

– Мы готовы искупить, – мрачно сообщил колдун Святозар.

Виктор оглядел оставшуюся на ногах троицу.

– Ну и гнусь же вы, – бросил от души. – Хамы и напыщенные дураки. Спятившие от кажущегося всеислия. Вас нельзя тут оставлять, таких дел наделаете, такую кашу заварите, а мне потом разбирайся. Уходите. Уходите прочь, обратно, в Изнанку!

– Куда? – раскрыл рот Алексей Николаевич.

– Обратно, в... в ваш мир. В Москву.

Да, именно «в ваш», а не «в наш».

– Нет! – Дарья взывала раненой волчицей. – Молю тебя, великий... кто бы ты ни был... Возьми меня, если хочешь, только не изгоняй! Убей, но не гони!

– Больно надо, – фыркнул Виктор. – У меня жена есть. И нет, вас двоих я тоже брать не буду. Не любитель, знаете ли.

Он помолчал мгновение. Всё-таки тронуло его это «убей, но не гони». И то, что за своего предводителя они вступились.

– Георгий ваш... как там говорилось в кино? «Если человек идиот, то это надолго»? Так и передайте, когда очухается. А плечо я ему сейчас подлатаю... слегка. В посёлке будет лекарь. Денег у вас нет, отработаете долг. Улицы там мести, окна мыть... отхожие места на вокзале чистить... словом, пока не расплатитесь за лечение. А потом я вами займусь. И помните, узнаю, что силу в ход пускаете – не помилую. Считайте, вам повезло. Только весь свой лимит везения вы разом и использовали. Ничего не осталось.

Он склонился над потерявшим сознание предводителем Беретов, положил ладонь на аккуратную дыру в плече. Пальцы закололо, рука сделалась горячей.

Дракон убивает и исцеляет – всё вместе. В нём сила Убийцы и сила Владыки.

Настоящим целителем Виктор не был, но тот, кто соединяет в себе все четыре стихии, тоже кое-чего стоит. Да и не собирался он возвращать здоровье до конца, главное – чтобы не умер по дороге.

Троица стояла смирно. Грязные, мокрые – тоже мне, «орден Красных Беретов»! Скорее уж «братство Грязных Штанов».

– Почему вы так себя называли? – спросил Виктор. – А? Что за «красные береты»?

Дарья покосилась на неподвижного Георгия, на мрачного Святозара и испуганного Алексея.

– Стичка у нас была. Давно, когда мы только силу осознали и учились.

– Давно – когда? – рявкнул Виктор. Вышло громко, почти как у дракона.

– Три года назад...

Ого! Так они всего три года назад почувствовали в себе магию! И сразу начали охотиться за ним...

– Стычка. С кем?

– С другими... плохими... мы были на стороне добра...

– Страшно подумать, кто же был на стороне зла... – Виктора всё больше и больше разбирало любопытство.

– Они напали, мы защищались, – как-то неуверенно заявила Дарья. Видимо, не всё там было так однозначно. – Когда стычка кончилась, мы в крови все были. С ног до головы. У Георгия с берега капало... вот он и сказал... что мы «красные береты».

Это оказалось так нелепо, что Виктор только фыркнул. И невольно вспомнил двух придурочных бандитов из кинокомедии, что оставляли включенной воду в ограбленных домах и называли себя «мокрыми бандитами».

– Три года назад, – сказал Виктор задумчиво.

Их сейчас два десятка, если не врут. И ещё были те, с кем они дрались. И это только в Москве! Да если такими темпами в Изнанке будут прибавляться волшебники – она скоро в Срединный Мир превратится!

– Я вас навещу, – сказал Виктор. И – обратился.

Как это, что это – он так и не смог понять. Как его восемьдесят кило веса превращались в тонны (если точно – в шесть с половиной тонн, однажды он прилетел ночью на грузовой вокзал и, озираясь, взвесился на весах для вагонов). Как могли крылья поднять этот вес – слоны же не летают. Куда это всё девается? Куда исчезает одежда – и как снова появляется на нём? Как он может сожрать корову, а потом вернуться в человеческий облик?

Магия, понятное дело. Но ведь и у магии должны быть свои законы...

Он взмахнул крыльями, взмывая в небо, нарочно ударив посильнее, чтобы орден Красных Беретов в полном составе прижало к земле. И полетел на юг, поднимаясь всё выше и выше, к надвигающимся облакам.

Странности, о которых говорила бабушка, действительно были. Четверть века назад если и рождались в Изнанке маги, их тут же выкидывало в Срединный Мир. А теперь они появляются целыми компаниями, дерутся между собой, организуют тайные общества, ищут тайные пути!

Неладно дело.

Виктор вдруг подумал, что он уже успел отвыкнуть от того, что вокруг что-то неладно. Ощущение было тревожное, почти забытое... и волнующее.

«Я должен поговорить с Тэль», – подумал он.

Глава третья

Больше всего на свете Лой Ивер любила тайны и загадки.

Больше всего на свете Лой Ивер ненавидела тайны и загадки.

Здесь не крылось никакого противоречия.

Тайны и загадки хороши, когда разрешения их – к вящей славе клана Кошки и её, Лой Ивер. И они же отвратительны и мерзки, когда над всеми нависает смутная угроза, и в живот словно проваливается свинцовый груз, какой не изгнать никакой, даже самой жаркой любовью.

Нет-нет, за двадцать три человеческих года Лой ничуть не утратила страсти к... приключениям. И не разучилась получать от этого удовольствие.

Но сейчас об этом не хотелось даже думать.

Обжора. Вот умеет же испортить настроение!.. Да чтоб ему лопнуть с этими намеками да подначками!.. И в самом деле – на чьей он стороне? И кто, собственно, прозвал его Хранителем?.. И почему Владыка относится к нему с таким... уважением? Если это никакой не великий и загадочный Хранитель Замка-над-Миром, а просто некая сущность, вытолкнутая Миром Прирождённых, да только не до конца, как вытолкнуты были почти все маги Стихийных кланов?

Таков ты, Срединный Мир – сюда попадают отторгнутые и лишённой магии Изнанкой, и состоящим из сплошного волшебства пространством Прирождённых.

И ты неизменно оказываешься под перекрёстным огнём.

Конечно, когда вернулся Дракон...

Лой пришлось повозиться, прежде чем она поднялась от уреза воды на обрыв. Увы, исчезать и вновь появляться, как одна очень талантливая Единорожка... то есть тьфу, Единорог! – она не умела.

Да, теперь, когда вернулся Дракон, уже почти четверть века всё идёт совсем не так. Стихийные кланы присмирели; тотемные поняли, что толкаться и пихаться можно только втихую и подальше от взора Владыки, и то лишь до всем известного предела.

Куда же теперь? Искать «необычное»? Легко сказать – у нас тут каждый день столько необычного, что даже у неё, Кошки из Кошек, голова кругом.

От подобного хорошо помогает горячая ночка в большой и страстной компании, но, увы, сейчас не до того.

Рви шаблоны, Лой. Сделай то, чего от тебя никто не ждёт. Пусть «необычное» само гоняется за тобой, тогда ты скорее его отыщешь.

Куда б она направилась сейчас в последнюю, в самую последнюю очередь?

Ну, если честно, это была бы постель господина Дракона. Не лги себе, Кошка, ты так и не забыла ваше... соединение на ночной дороге, почти рядом с мирно спавшей Тэль. И да, если честно, ты жалела, Кошка, что у тебя не осталось ребёнка с той ночи.

– Ш-ш-ш! Хватит! – рассерженно зашипела она сама на себя. – Запретила же себе об этом думать и вспоминать!

...Главное – это не думать слишком много. Бывает момент, когда только так и можно.

Лой прикрыла глаза, прислушалась – далеко внизу шумело море, пело, вечно довольное, весёлое, неугомонное, почти как Нотти. Далеко вверх спешили ветра, разогнавшись над равнинами Срединного Мира – от Серых Пределов до Тёплого Берега. Не так далеко смешивались с солёными морскими пресные речные воды, там Стополье, столица клана Воды и его бессменного главы, достопочтенного Торна.

Нет, туда Кошку явно не тянуло.

А тянуло её...

Да! Точно! Туда!..

Клык Четырёх Ветров.

Дом клана Воздуха.

Дом старого Ритора, бывшего Убийцы Драконов.

Лой не видела его с той самой ночи на подступах к Замку-над-Миром, когда Виктор сделал выбор, приняв судьбу Крылатого Владыки.

Да и вообще, мало кто мог бы похвастаться, что видел некогда могущественного мага первой ступени, главу клана Воздуха. На Клыке заправлял теперь Асмунд, двадцать три года назад восторженный и донельзя талантливый мальчишка, а теперь – сам маг первой ступени, оставивший далеко позади всех сверстников.

...За четверть человеческого века Тёплый Берег изменился не сильно. Разве что настояниями Владыки гномы изловчились и удлинили Путь так, что все четыре главных града Стихийных кланов оказались связаны куда более надёжными, чем магия, рельсами.

На сей раз Лой Ивер не пряталась. Да, визит Кошки к чародеям Воздуха привлечёт внимание... но и хорошо. Скрыться она всегда успеет.

На неё пялились и глазели. Разумеется, исподтишка. Лой перехватывала мужские взгляды, усмехалась в ответ – да куда тебе на меня глядеть, ты свою благоверную боишься больше, чем огня!..

Кошка – она всегда Кошка.

Клык Четырёх Ветров не изменился. По понятным причинам Владыка не питал особой любви к магам Воздуха, и те тоже, хоть и важничали, хоть и раздвигали плечи, а всё равно: чтобы справиться с Драконом, нужен Убийца. А коли нет – сидите и терпите.

На станции Лой уже ждали. Две девушки-близняшки с длинными косами, совершенно одинаковые, так что Кошке казалось – у неё в глазах двоится.

– Маг первой ступени Лой Ивер, глава клана Кошек...

– Клан Воздуха рад приветствовать тебя.

Одна начинала, другая подхватывала так, словно думал и говорил один человек.

Девушки были хороши. Однако одеты нарочито небрежно, широкие штаны и рубахи с вышивкой по обшлагам – что такое, клан Воздуха внезапно обеднел?

– И я рада приветствовать вас, доблестные стражи клана.

Против ожидания, девушки не назвали имена, просто повернулись (опять же слитно, как один человек), сделав одинаковый жест:

– Мы просим. Тебя ждут.

Деревья стали выше. Кое-какие домики сделались словно бы ниже. Стены всё так же тщательно побелены, но всё-таки, всё-таки – витало что-то здесь, какое-то... забвение? Неуверенность?

Обитатели Клыка спешили по своим делам; Лой Ивер, само собой, получила свою долю взглядов, однако совсем не тех, на какие рассчитывала. Мужчины и даже юноши глядели вяло и без интереса; в женских взорах не чувствовалось и малой доли привычной для Кошки зависти пополам с ревностью.

– Всем ли благополучен прославленный клан Воздуха? – почти пропела Лой, обращаясь к своим конвоиршам.

– Благодарение всем силам...

– Мы благополучны.

Ну да, одна начинает, другая заканчивает. Интересно, в любви вы тоже такие? Делите одного мальчика на двоих? Или предпочитаете общество друг друга? А Лой бы в свои развлечения эти милашки приняли?

Отчего-то хотелось вывести их из себя.

– Тебе сюда, достопочтенная Лой.

Да. При Асмунде, похоже, здесь перестали разводить политес.

Близняшки привели её к утопавшему в олеандрах домику под черепичной крышей. Одноэтажному, низкому, с зелёными ставнями – в таком мог бы жить мелкий ремесленник или не расторговавшийся купчик.

Одна из сестёр распахнула скрипнувшую дверь; почему они петли не смазывают?

Тесная прихожая, заставленная старой тёмной мебелью, вешалка с плащами...

– Я ждал тебя, Ивер.

Кошка вздрогнула.

На пороге возник Ритор.

Великий маг Воздуха постарел так, словно был самым обычным человеком, никак не знаменитым и могущественным чародеем. Гладкое некогда лицо избородили морщины, волосы выпали. Глаза смотрели угрюмо и настороженно, кустистые брови сделались совершенно белыми, а щёки и подбородок покрывала неопрятная седая щетина.

– Входи, Кошка.

Лишившись дара речи, Лой вошла.

Комната была когда-то уютна, со вкусом обставлена. Конторка, стол, диван с креслом, кофейный столик, домотканые пёстрые половички. На стенах – пейзажи, на которых одно и то же: вид Замка-над-Миром.

Замок утром, Замок вечером. Замок в полдень, Замок под солнцем, Замок под дождем. Замок во всех видах.

– Садись, – сухо сказал Ритор. Но сам остался стоять.

– Мне даже не предложат воды с дороги? – Лой решила, что надо показать чуток обиды.

– Кошки не любят лакать. Для них достаточно той влаги, что в их добыче.

Так. Кажется, бедного старика совсем тут забыли, а может, и начали презирать.

– Ритор... – Лой осторожно шагнула к нему, протягивая руку.

Тот вздрогнул, отстранился.

– Садись, Лой Ивер, глава клана Кошки, маг первой ступени.

На миг распрямились плечи, поднялась голова, взгляд сверкнул, как прежде. Былой Ритор словно выглянул из чужого и чуждого его духу тела – и спрятался вновь.

Лой села.

– Можно, я разуюсь? – спросила тихонько. – «На каблучки встала – красивая женщина! С каблучков слезла – счастливый человек!»

Ритор фыркнул.

– Снимай, чего уж. Зачем ты пришла, Лой? Зачем я тебе?

– А может, я шла к его милости Асмунду, нынешнему главе клана Воздуха? – Лой стрельнула глазами.

Маг криво усмехнулся.

– Ты явилась сюда так, чтобы тебя заметили. Не пряталась, не скрывалась. Платье твоё... Будь тебе нужен Асмунд – хороший мальчик, умный мальчик – ты подала бы весть обычным путём. Или возникла бы, как умеют возникать только Кошки, из ниоткуда и непонятно, зачем. Нет, дорогая. Ко мне ты шла.

– Неочевидно, – попыталась защититься Лой. – Бездоказательно!..

– Ну, скажи тогда, что я неправ.

Он отвернулся, прошёлся туда-сюда; даже ходил Ритор теперь тяжело, приволакивая ногу, словно и впрямь столетний старец из простолюдов, а не великий чародей.

– Что с тобой случилось?

– Глупый вопрос, Кошка. Со мной случился Крылатый Владыка. И та ночь на подступах к Замку-над-Миром.

– Но ведь всё кончилось хорошо!

Гладкие доски пола приятно холодили пятки. И вообще – домик был уютен, но глухое отчаяние его хозяина повисало, словно серые паучьи нити, липкие и противные.

– Всё кончилось хорошо, – она не усидела, вскочила, встала рядом. Хотела коснуться плеча и не решилась. – Дракон вернулся. Настоящий Дракон. Одолеl флот вторжения. Утвердил закон и порядок. Погасил споры и ссоры. Вода больше не задирает Огонь, Воздух и Земля если не лучшие друзья, то, во всяком случае, мирные соседи. Мы, тотемные...

Ритор пожал плечами.

– Зачем я буду объяснять тебе что-то, Лой? Ты довольна, ты счастлива, твои Коты и Кошечки процветают. Прекрасно. Живи и радуйся дальше. Не я явился к тебе с разговорами, а ты ко мне. Вот и говори. Я слушаю.

– Зачем ты так? – обида получилась у неё совершенно натуральной. Да, да, она действительно обиделась! Почему он не хочет сказать всё, как есть?.. А что, если его возраст, эти морщины, седина, потухший почти всё время взгляд – и есть то «необычное», что велел искать Хранитель? – Я ведь сидела тогда с тобой. Держала твою голову на коленях, великий маг. И... на мне тогда ничего не было. Совсем-совсем ничего...

«А вот возьму и попробую тебя зажечь! Вот и поглядим, насколько ты у нас стар!»

– Скажи, зачем ты здесь, – устало отодвинулся Ритор.

– Скажи, что с тобой случилось!..

– Почти четверть века тебя не занимало, что со мной, Кошка.

– Ритор... не прогоняй меня... я же вижу, как тебе плохо... почему твой клан, почему они тебя бросили?! – она не притворялась. Начни играть, Лой Ивер, и остальное приходит само.

– Меня никто не бросил. – Ритор желчно пожал плечами. – Клан заботится обо мне. Я ни в чём не нуждаюсь.

– Нуждаешься, – она придвинулась, коснулась грудью его предплечья и улыбнулась про себя, почувствовав, как он вздрогнул.

– Что. Тебе. Нужно. Лой?

– Мы тогда были все вместе, Ритор. Мы вернули Дракона. Отстояли наш мир. Почему они все тебя бросили?! Почему загнали сюда? Я... я не лезла, но...

– Но ты отлично знала, что и как в клане Воздуха, – он отодвинулся.

– Знала, – не стала она лгать. – Но далеко не всё. Мне казалось... я верила... что могущественный маг, глава клана, решил и в самом деле уйти на покой. Я не выясняла, где именно ты живёшь, чем занят. Думала... сидишь на террасе, любишь на морские закаты...

– Ненавижу закаты.

– Знаешь, я тоже, – задумчиво сказала Лой. И обняла его.

Не бывшего соперника. Не бывшего великого мага. Не бывшего главу клана, обладающего, возможно, ценными сведениями.

Но того, с кем вместе помогала Дракону отразить натиск орлиноголовых кораблей.

Сейчас она не думала даже о том, зачем вообще сюда явилась. Она просто хотела его обнять, втягивала подрагивающими ноздрями его запах – совершенно не стариковский и даже не совсем человеческий, запах полыни и степных трав, сухой, щекочущий, дразнящий. Запах волшебства.

– Не мытьём, так катаньём, Лой? – он осторожно положил руки ей на талию. – Глупая, глупая Кошка... – ткнулся лбом ей в лоб. – Ладно. Я ошибся, Лой. Во всём. Я верил в свободу – а оказалось, что нужна не свобода, а Дракон.

– Ты же сам говорил, что он нужен!

– Говорил... как защита от Прирождённых. Как отчаянная мера – во время войны выбирать не приходится. Но я ошибся и в этом, не распознал не только Дракона, но и собственного

внука. Я ошибся во всём, Лой, я погубил многих и многих, доверившихся мне. Я не имел права оставаться во главе клана. И ушёл. Ты это хотела узнать?

– Нет... – от него по-прежнему шла сила. Жёсткая, суровая, как ветер над жаркой степью в зените лета. Сила, запертая в принявшемся пожирать самоё себя теле. – Почему ты один, Ритор? Почему рядом с тобой – никого?

– Клан не простил, – глухо сказал он. – Надо было бы уйти, но... я не смог.

Одно движение, и золотистое платье поползло с идеальных плеч.

– Они... – руки Кошки ловки, они гладят, расстегивают, развязывают, снимают. – Они бросили тебя одного, потому что им так было проще. Мы ни при чём, это он во всём виноват!.. – Куснула его за ухо, чувствуя, как разгорается сама и зажигает его. Было в этом что-то, прийти и выпустить на волю заснувшую, похоронившую себя под слоем золы и пепла мощь.

А он закрыл глаза и вбирал её всю – руками, ладонями, пальцами. Лой почудилось, что сотни легчайших дуновений касаются её, ласкают, нежат. Да... это вам не Торн с приснопамятной водяной версией себя самого, да ещё и с увеличенным до предела мужским достоинством!

– Дразнишь, Лой... дразнишь старика...

– Никакой ты не старик! – горячо запротестовала она, оторвавшись от его губ и ничуть не кривя при этом душой. Не было в нём этой старческой расслабленности, потерянности, опустошённости. Не было ужаса перед неизбежным. Были вина, осуждение себя и запертая, как в тюрьму, в этой плоти сила.

Она разом и отдавалась, и овладевала. Рушила шлюзы и плотины, возведённые в себе самой. Принимала его и вручала власть над собой.

Когда её накрыло первый раз, пришлось даже впиться зубами в подушку.

– Не... бойся... нас... не подслушать...

Лой Ивер окончательно отпустила себя на волю.

... – Ты изменился. Смотри, как ты изменился! – она лежала рядом, водила мизинцем по складкам и морщинам его лица. И, опять же, ничуть не врал.

Морщины разглаживались. Кожа молодела на глазах. А самое главное – из взгляда уходили глухие тоска с отчаянием. Запертая сила вырвалась на свободу; не зря всё-таки маги живут куда дольше обычных людей.

– И всего-то требовалось, чтобы одна Кошка вспомнила о старом чародее и решила заглянуть на огонёк...

– Но эта Кошка так и не сказала, чего ради она вдруг вспомнила и завернула.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что я зря это делала?! – Лой опять решила слегка обидеться.

– Не переигрывай, Кошка, – он погрозил ей пальцем. – Прекрасно знаешь, что не зря. Но всё-таки, что стряслось? После стольких лет...

Лой поколебалась немного. И рассказала – всё. Ну, или почти всё.

– Значит, Хранитель тоже озабочен... – помолчав, заметил Ритор. – Да. Что-то есть. Наверное, именно потому, что заправляют тут теперь всем Асмунд да его подружка Сандра. Вот уж, поистине, любовь так любовь...

– Молодость и опыт, – хихикнула Лой.

– Именно. Но... я сидел здесь, Кошка, и я слушал. Большей частью, конечно, Ветер; но потом приноровился внимать и волнам.

– Волны гасят ветер, – припомнила Лой ещё одну цитату Кота с Изнанки.

– Чепуха, – поморщился Ритор. – Ничего гасить они не могут, разве что Торн из штанов выпрыгнет, наполняя их нейтрализующими чарами. Тогда, двадцать с лишком лет назад, я чувствовал, как из-за Разлома тянет вторжением. Чары такой мощи не спрячешь, ветер подхватывал, доносил...

– А теперь? – негромко спросила Лой.

– А теперь там тихо. Очень тихо.

– То есть...

– Дослушай, – пальцы его спускались по её гладкой спине, по коже побежали мурашки, приятные такие, возбуждающие. Та-ак, кажется, ей было мало... – У нас появляется всё больше и больше тех, что из-за Моря. Несостоявшихся Прирождённых, таких же, как ты, как я... как большинство Стихийных. И ещё – ветры, как ты знаешь, они гуляют не только над Тёплым Берегом. Они и за Серые Пределы заглядывают, туда, где никто не живёт. Вернее, не жил.

– И что же? – Лой даже приподнялась. Ох, ну зачем эти мужчины в самый интересный момент продолжают говорить о делах, когда нужно заняться совсем другим?!

– Срединный Мир расширяется. Растёт. Он должен быть относительно небольшим баланси́ром между чистым Хаосом и Изнанкой. Принимать тех, кто не принадлежит ни одному из этих двух миров. И так оно было. А теперь...

– Теперь? – Нет, Лой положительно не хотелось сейчас об этом думать. Но, чёрт возьми, приходится!

– А теперь мы давим на Изнанку. Наш Ветер давит, это я могу сказать точно. И я тебе больше скажу – испокон веку оттуда приходили к нам те, в ком открывались способности к магии. Нынче же мы узнали, что уходят уже от нас туда те, кто уродился совсем без силы.

– Как? – ужаснулась Лой. – Совсем без силы – это же большинство!..

– Ну, не совсем большинство, – успокоил её Ритор. – Здесь у нас даже самый «ни на что не способный» простолюдин хоть и совершенно крошечную искорку магии в себе да имеет. Иначе б его в Изнанку выкинуло.

Лой ужасно не хотелось про всё это думать. Кто ж знал, что старый маг Воздуха такой, гм, забавник и искусник!

А Ритор нёсся на всех парусах (или на всех ветрах?), радуясь, похоже, возможности поговорить, так что Лой пришлось его даже останавливать самым верным в такой ситуации средством.

...Она одевалась медленно и со вкусом, чтобы её запомнили, все повороты, все извивы, всё. Ритор смотрел и улыбался, и улыбка была настоящая.

– Не буду даже спрашивать, придёшь ты ещё или нет.

– Я приду, – вырвалось у Лой прежде, чем она успела подумать. Пришлось мысленно шлёпнуть себя по губам.

...Срединный Мир начал давить на Изнанку, сказал Ритор. Никогда такого не было, не должно было быть – а вот начал.

«Что ж, лиха беда начало», – думала Лой. Она не позвала с собой старого мага Воздуха; нет, искать она будет сама.

И она уже знала, где – на севере, у кольца Серых Пределов.

Там, где Изнанка должна была поддаваться под натиском Срединного Мира.

* * *

Превращаться в ветер не могли даже маги Воздуха. А может, это им в голову не приходило – зачем терять своё тело, зачем уподобляться животным кланам и оборачиваться, если можно парить на крыльях ветра, словно сам Хозяин. Но Нотти когда-то прочитала старую книжку, принесённую отцом с Изнанки. Сказка была запутанная и грустная, там смешались и космические корабли, и какие-то злобные пришельцы, и волшебство. Ещё там были дети, которые умели превращаться в воздушные вихри-ветерки. И эта мысль Нотти зацепила. Она, конечно, не пошла путём, описанным в книге (очень уж опасным он выглядел). А вот за учебники по магии Воздуха взялась всерьёз. И с магами говорила – даже со знаменитым Ритором,

стариком, которого отец вроде как ненавидел и любил одновременно. Ритор давно жил затворником, но с Нотти согласился встретиться легко, говорил с ней долго, изучающе буравя взглядом, и ответил на все вопросы, включая те, о которых в книгах не пишут.

И у Нотти стало получаться.

Не всегда, надо было испугаться или разозлиться. Но это был как раз такой случай – и она скрылась от Лой и Обжоры. Прервала разговор. Ушла по-английски.

Да что уж там! Сбежала, испуганно и смущённо.

Ощущение было странным – она лишилась тела, она стала ветром, потоком воздуха, бесплотной прозрачной тенью. И в то же время это была она – видела, слышала, чувствовала всё по-настоящему.

Удивительным образом это успокаивало.

Она взмыла над обрывом, пронеслась над утёсом – село, жмущееся к станции железной дороги, оказалось как на ладони. Нотти спустилась к аккуратным, крытым терракотовой черепицей каменным домикам у вокзала – все как на подбор в один этаж, с небольшими окнами. Гномий квартал, они не любили ни высоты, ни избытка света. Нотти пронеслась по мощёной улочке – коренастый гном, с вызывающе короткой и завитой бородкой (появилась недавно такая мода), мёл улицу не по росту длинной метлой. Разлетелись от движения Нотти листья, клочки бумаги, обрывки шпагата, прочий природный и человеческий сор. С одной стороны, гномы были к магии неспособны, а с другой – будучи не то преображёнными магией, не то порождёнными ей, они волшебство чувствовали и недолюбливали. Гном нахмурился, взмахнул метлой, сплюнул – но Нотти была уже далеко. Она пронеслась по улице, выскочила в людской квартал – здесь дома были и повыше, и поразнообразнее. Некоторые каменные, некоторые деревянные, некоторые кирпичные, в один или несколько этажей, с крышами из черепицы, плоского камня, деревянной дранки, с окнами большими и малыми разных форм, с верандами и террасами. Люди не любят единообразия. Здесь тоже прибирали следы весенней ярмарки, длившейся до самого рассвета – люди уже разошлись, только несколько эльфов, нанявшихся на ярмарку подработать, тихо напевая что-то своё, мели площадь, снимали цветные флажки и догоревшие фонарики. Когда Нотти пролетела мимо – эльфы проводили её, незримую, внимательными взглядами, а один, самый молодой и даже, пожалуй, красивый, улыбнулся вслед. Папа говорил, что эльфы – они очень талантливые, но балбесы. Нотти была с ним согласна, но улыбка эльфа ей понравилась. Что-то не так было с её воздушной магией – люди Нотти не замечали, а вот гномы и эльфы чувствовали...

У открытого в этот ранний час кафе Нотти задержалась. Тут вкусно пахло – свежей выпечкой, кофе, ягодными джемами. Молодая девчонка, чуть старше Нотти, разливала кофе серьёзным полусонным людям, что собирались на работу, несмотря на ночное гуляние: обходчики путей, мастеровые, доярки и пастухи. Ярмарка ярмаркой, а поезда всё равно идут, огонь в печах разожжён, коровы и козы требуют дойки и выпаса.

Нотти покружилась бесплотным ветерком у дверей кафе, вдыхая аромат кофе. И – понеслась дальше. Домой.

Разумеется, не к Замку-над-Миром. Он никогда не был для них настоящим домом, пусть родители и проводили там несколько месяцев в году. Слишком уж он был грозным, древним, непонятным – родовое гнездо Драконов, средоточие власти Срединного Мира.

В получасе пути от посёлка, на берегу озера, стояла усадьба – одна из тех, где жила её семья. Для окружающих они были семьёй богатых торговцев, путешествующих из края в край – версия вполне убедительная. Ну кто же заподозрит, что правитель охотится на оленей в лесу, а его жена ходит на рынок за морковкой и яблоками? Таких домов было не меньше двух десятков, в некоторых Виктор с семьёй не появлялся годами, а в некоторых проводил по полгода. Нотти к этому привыкла.

Она преодолела путь за пяток минут – ветру не нужны дороги, ветер не знает усталости. Перелетела через забор, заколыхались ветви деревьев, прибились к земле цветы. В апельсиновой рощице, зазеленевшей уже по-летнему ярко и усыпанной белыми цветами, Нотти остановилась.

И снова стала собой.

Всё-таки ей было чем гордиться! Этого не умели ни отец, ни мать, ни брат. Может быть, сумел бы Ритор?

Нотти оправила юбку, пригладила волосы.

Проснулись родные или нет?

Отец пару дней назад отправился в Изнанку. «Ненадолго», – коротко бросил он, отменяя все попытки пойти с ним. Наверное, решил проведать бабушку Веру. Если отца дома нет, то мама может ещё и спать. А брат... ну, с ним разговор проще.

Нотти вышла из рощицы (жаль, что ещё нет апельсинов, вернулась бы с корзиной плодов – и вроде как понятно, где была). Прошла по выложенной камнем дорожке. Прислуга ещё не появилась, отец не любил, когда слуги жили с ними в одном доме. Слишком велик риск, что поймут, кто хозяева...

Дверь на кухню – просторную, с огромными окнами, была открыта. Нотти проскользнула внутрь и тут же наткнулась на брата.

Всеволод стоял у стола и большими глотками пил молоко из стеклянного кувшина. Был он в одних штанах, разгорячённый, широкие плечи блестели от пота. Всеволод был всего на два года старше сестры, но рослый и мускулистый как отец.

– Фу! – воскликнула Нотти. – Севка, в стакан налить не мог?

Брат на мгновение оторвался от процесса, посмотрел на сестру и снисходительно сказал:

– Я всё выпью. На леднике ещё два.

– Как в тебя столько молока-то влезает? – спросила Нотти. – Ты же не ребёнок. И не телёнок.

– Я Дракон, – гордо сказал Всеволод. – Мне сила нужна. Два часа сейчас занимался. Пробежка, потом отжимания, потом подтягивания, потом каты выполнял, потом немного магии...

Нотти открыла крышку маленького ледника, устроенного прямо на кухне. Молока она не хотела. Нотти достала кровяную колбасу, яйца и масло.

– А ты где ночь провела, что так проголодалась? – оторвавшись от кувшина, спросил брат.

– У себя в кровати, – резко ответила Нотти.

– У себя? – усмехнулся брат. – Да уж. Я как встал, заглянул к тебе. Ночь ещё была совсем. Хотел позвать, попросить спарринг...

Нотти молча делала себе бутерброд.

– Да брось, сестрёнка, – сказал Всеволод насмешливо. – Ты уже не маленькая. Завела парня – ну и делов-то? Только... – он всё же смутился, утратив свой покровительственный тон. – В общем, поговори с мамой, как и что...

– Я была на ярмарке! – не выдержала Нотти. – Я просто пошла на весеннюю ярмарку! Потанцевала и всё! Я даже не целовалась ни с кем!

– Ты всю ночь провела в посёлке? – послышался мамин голос. Нотти обернулась – Тэль входила на кухню. Мама была в домашнем клетчатом халате и тапочках, но выглядела совсем не мирно.

– Мама! – Нотти всплеснула руками и обожгла брата яростным взглядом. Тот, сообразив, что поспособствовал разоблачению сестры, виновато отвёл глаза. – Я просто сходила в посёлок! Там праздник! Танцы! Музыка!

– Опасности! – тем же тоном продолжила Тэль.

– Мама, ну какие опасности? Я же ваша с папой дочь! Я волшебница! Единорож... тьфу! Единорог, вот!

– Мы в Срединном Море, тут волшебников много, – сказала Тэль строго. – И я видала немало мёртвых волшебников, уверенных, что им ничто не грозит. Говоришь – наша дочь? Да ты представляешь, сколько желающих похитить или убить дочь Дракона?

Тихий завтрак, о котором мечтала Нотти, на глазах превращался в шумный скандал.

– А я не обязана страдать из-за того, что у вас есть враги! – выкрикнула она. Пошла к плите, демонстративно разожгла её взмахом руки, достала сковородку и принялась делать яичницу.

– Вот меня за молоко ругаешь, а сама яйца лопаешь, – сказал Всеволод. – Куда вреднее! Там этот... хале... хеле... холестерин! Так!

От волнения Нотти разбила яйцо неаккуратно, скорлупа посыпалась в сковороду. Она сделала вид, что ничего не произошло, стала взбивать яйца прямо на греющейся сковороде.

– Хотела на ярмарку – меня бы позвала, – примирительно сказала Тэль. – Я тоже люблю простые крестьянские празднества...

Она подошла, обняла дочь. Тэль была почти одного роста с ней. Почти – потому что Нотти её уже обогнала.

– Ну мам... – сказала Нотти, расслабляясь. – Ну ты же не сердись? Я всего-то пошла потанцевать... а потом встретила Лой... и Обжору...

– Кого? – раздалось от двери.

Нотти обернулась. Ну, попала!

В дверях стоял отец. Слегка понурившийся, выжатый – как всегда, если много времени проводил в драконьем теле.

И, конечно, с не до конца вставшими на место мозгами.

– Ты тайно ушла из дома? – продолжал тот. – Болталась в пьяной толпе простолюдинов? А потом – что? Лой? Обжора? Что за встреча?

– Да это случайно, Лой прыгнула с обрыва... – пробормотала Нотти.

На лице отца появились суровые морщины.

– Можно подумать, ты с Лой не дружишь, – добавила Нотти.

Виктор побагровел.

– Марш! Марш в свою комнату, юная леди! – рявкнул он. Ох, не к добру! «Юные леди» или «молодые джентльмены» у него появлялись лишь тогда, когда дети чем-то серьёзно провинились.

Всеволод открыл было рот, желая вступить за сестру (чувствовал свою вину, помнил, кто разговор начал), но Тэль стрельнула в него глазами, и парень замолчал.

Нотти тоже спорить не стала. Развернулась и гордо, как могла, вышла из кухни.

– Стоит на три дня из дома уехать – всё превращается в какой-то цирк! – ругался за спиной отец. – Моя дочь шляется по гулянкам и общается с порождением Хаоса!

– Ну там же и впрямь была Лой... – заметила Тэль.

– С порождением Хаоса и самой хитрой бестией Срединного Мира! Да ей семнадцати лет нет! Настоящих семнадцати!

Нотти быстро прошла по коридору, поднялась по лестнице, вбежала в свою комнату. Бросилась на кровать. Где-то далеко продолжал бушевать отец.

– Ненавижу вас всех! – выкрикнула Нотти в подушку. – Почему я родилась в этой семье?

Подушка не ответила, подушка готова была впитать её слёзы, но уж никак не ответить на самый дурацкий вопрос, который может задать подросток.

Но ответ всё же последовал:

– Потому что ты должна была где-то родиться.

Глава четвёртая

Эрик стоял у парапета, лицом к заливу и спиной к многоэтажке.

Дом за его спиной был элитный, выстроенный на сопке. Индивидуальный проект, почти тридцать этажей, «с крыши Японию видно» – шутили жильцы. Внизу, в стилобате (Эрик любил редкие слова) – магазин, детский сад, ресторан, ещё всякое-разное. И территория вокруг была ухожена, обнесена забором, а у въездов-слагбаумов сидела охрана.

Впрочем, забраться внутрь труда не составило. В этом доме жил одноклассник, лазейки Эрик знал. Он перемахнул через забор (в темноте никто его не заметил), побродил немного по территории. Стрелка компаса в голове дрожала, указывая путь.

Качели...

Песочницы...

Клумбы...

Альпийская горка со скамейками вокруг...

Под конец Эрик вышел к парапету, ограждавшему двор. Сразу за каменной стенкой вниз обрывался крутой склон – чтобы закончиться крышами, улицами, светофорами. Опёршись локтями на парапет, глядя на ночной город, Эрик замер. Залив, мосты, корабли – всё перемигивалось разноцветными огнями, жило, дышало, двигалось. Наверное, есть ещё такие города, которые ни на миг не засыпают, но это мегаполисы: Москва, Лондон, Токио... Владивостоку с ними не сравниться, но он у моря, а море всё умножает на себя.

Как и ночь.

Эрик достал из кармана джинсовой куртчки пачку сигарет и зажигалку. Курить было немодно, если кто-то из ребят и баловался – то вайпом или электронными сигаретами, да и то предпочитали без никотина. Со смесями, которые порой кумарили совсем не по-детски, но без никотина, потому что никотин – яд.

Поэтому Эрик и курил табак. Редко, потому что до конца не понимал этой привычки, да и расстраивать родителей не хотел. Но уж если требовалось в компании чем-то занять руки и потянуть с ответом, то доставал сигареты.

Сейчас не было нужды ни перед кем рисоваться. А вот сигарету достать захотелось. Эрик даже насторожился – уж не пристрастился ли он к табаку всерьёз, не стал ли настоящим курильщиком, что позволительно лишь дедам и работягам. Но мысль эту отложил на потом. Закурил, втянул дым, закашлялся. Смотрел на залив, временами припадая к сигарете и невольно горбясь, как на улице, чтобы со стороны сложнее было разглядеть лицо.

Зачем он сюда пришёл?

Ну не к однокласснику же в гости.

И не потому, что его так расстроила случайно подслушанная правда.

Чихать он на это хотел. Он уже взрослый, у него своя жизнь.

Так зачем он сюда пришёл?

– Эй, пацан!

В спину Эрику упёрся лучик фонарика. Он обернулся – свет мазнул по лицу, заставив прищуриться, но тут же ушёл вниз.

– Ещё и сигареты куришь, – произнёс голос с возмущением.

Теперь Эрик разглядел говорящего: немолодой мужчина в мешковато сидящей на нём форме охранника. Видимо, обходил территорию.

– Кто такой? – спросил охранник. Впрочем, без особого напора. То ли Эрик показался ему не слишком отталкивающим представителем молодёжи, то ли охранник не был уверен, что у Эрика нет прав тут находиться.

– В гостях был у друга, – сказал Эрик. – Миша Пак, из девятого «А». Засиделись. Вышел покурить, у них дома нельзя.

– Это какой Миша? С третьего подъезда?

Эрик напряг память. У Пака он и был-то раза два всего.

– Нет, из первого.

– Кореец, да? Тёмненький такой? – продолжал допрос охранник.

– Да он и не похож-то, – сказал Эрик. – У него только дед кореец.

Охранник счёл проверку пройденной. Опустил фонарик в землю, подошёл ближе и картинно погрозил пальцем.

– А курить зачем? Уж если невтерпёж – вон у нас место для курения во дворе!

– Извините, тут вид красивый, – вежливо ответил Эрик.

– Молодёжь, – вздохнул охранник. – Иди-ка ты домой. Или к другу своему. И не хулигань.

Всё было нормально. Эрик отболтался, охранник попался вменяемый, не собирающийся устраивать скандал. Можно было спокойно уйти.

И вернуться домой.

Или отправиться бродить по городу.

Вместо этого Эрик оттолкнулся руками от парапета и запрыгнул на него. Выпрямился. Дурацкая недокурная сигарета обожгла пальцы – он уронил её, и окурочек крошечной кометой унёсся вниз.

– Ты чего! – ахнул охранник, шагнул было к Эрику, но замер. – Ты чего, чего? Я же тебя не гоню! Кури на здоровье! Хочешь – сам с тобой покурю? Парень, тут высоко! Парень!

– Знаю, – зачарованно сказал Эрик, глядя вниз. – Высоко.

Стрелка компаса колотилась в голове, указывая путь.

– Я пошёл, – сказал Эрик и прыгнул. Оттолкнувшись ногами, будто от бортика бассейна.

* * *

Виктор сидел на кухне и ел яичницу. Занятие более чем мирное, но сейчас господин Дракон ухитрился даже жевать воинственно. В какой-то момент он поморщился, запустил пальцы в рот и достал солидный кусок скорлупы. Укоризненно посмотрел на Тэль. Спросил:

– Ну что, опять?

– Это не я, – сказала Тэль миролюбиво. – Это Нотти готовила. Но вообще-то кальций полезен, при каждой смене облика ты его теряешь.

Виктор отодвинул яичницу. Взял стакан молока и осушил залпом. Сказал:

– Лучше бы научила дочь нормально готовить...

– Она хорошо готовит. Лучше, чем я в её возрасте.

– Зато ты в её возрасте...

– Что я в её возрасте? Дай-ка вспомнить... Танцевала в стриптиз-шоу у гномов – лет десять подряд. Прогнали – я же не росла. Потом в шайке жуликов резала кошельки. Лет пять. Надоело. Потом была подручной у мелкого мага Воды, тоже жулик был ещё тот, он меня выдавал за дочь – очень удобно, опять же, я всё время была милой юной девушкой. Когда маг составил, выдавала себя за его же внучку... Да не хлопай ты глазами, я рассказывала! Он парней любил, а со мной был и впрямь как добрый дедушка.

Наверху, в комнате Нотти заиграла музыка – дочка поставила пластинку.

Виктор молча прошёл к леднику, достал кувшин с молоком. Вернулся за стол и мрачно сказал сыну:

– Всеволод, ты бы не грел уши...

– Будто что-то новое слышу, – дерзко заметил сын. – Мама сто раз рассказывала, как после изгнания нашего рода пришла в себя на берегу. Мало что помнила и умела. И много

лет просто жила, потому что Единороги – они всегда ждут Драконов. А потом почувствовала тебя и за тобой пошла.

– И про гномов и жуликов рассказывала? – недоверчиво спросил Виктор. – И про этого... мага?

– Тебе надо было чаще заходить к детям перед сном, – сказала Тэль. – Конечно! Там были очень весёлые истории. И поучительные!

Виктор поперхнулся, взмахнул недовольно рукой, но смолчал.

– А ты сам в шестнадцать лет был паинькой? – продолжала Тэль. – Не ухлёстывал за девочками, не гулял ночами?

– Не гулял! – сказал Виктор. – Ну... почти. А ухлёстывать ухлёстывал, и именно поэтому...

– Двойные стандарты, – сказала Тэль. – Юношам гулять можно, девушкам нельзя.

– Да потому что я знаю, чего там на уме у этих юношей! – взревел Виктор. – Потому и двойные стандарты! Вон, Сева захочет пойти гулять на эти... ярмарки хреновы... праздники плодородия селянские... пускай идёт!

– Очень надо! – возмутился Всеволод. – Не спать всю ночь, чтобы потом за тобой гонялись старшие братья и папаши! Эти папаши вообще ненормальные, можно подумать, от обнимашек и пары поцелуев за кустом их дочка превратится в тыкву!

Тэль расхохоталась, глядя на медленно пунцовеющего Виктора.

Всеволод сообразил, в чём дело, с редкой для него быстротой.

– Ну я пошёл, потренируюсь в воздушной магии! – выпалил он и выскочил из дома.

– Меня тут хоть кто-нибудь уважает или нет? – возопил Виктор. – Дочь дерзит! Жена смеётся! И даже сын-наследник глумится!

Тэль подошла и обняла его.

– Милый. Мы все тебя любим. У Нотти переходный возраст. Она не может не дерзить. Я над тобой ни капельки не смеюсь. А Сева... ну ты же знаешь, он такой, тугодумистый. Ляпнул и сам не сообразил, что сказал.

– Нет такого слова – тугодумистый... – пробормотал Виктор, понемногу остывая. – Да ты пойми... не заладился как-то визит...

– Что-то с бабушкой?

– С ней всё в порядке. Но она говорит, что чует беду. А какую – не поймёт... Потом на меня напали. В моей собственной квартире!

– Напали? – поразила Тэль.

– Да! И самое главное – кто... Маги!

Виктор начал пересказывать историю о Красных Беретах. Тэль села рядом, слушала, хмурясь, качала головой. Потом осторожно спросила:

– Но ты их...

– Нет. Не съел, не сжёг, не растерзал. Потом решу, что делать.

– Странно. Маги в Изнанке... – Тэль пожала плечами. – Я... подумаю. Поговорю. Поищу.

– Жаль, что нас так мало, – сказал Виктор, сутулясь и глядя в стол. – Был бы у нас нормальный клан. Сотня Драконов, сотня Единорогов...

– Всё будет когда-нибудь, – сказала Тэль. – Нас уже четверо.

– Есть ещё где-нибудь такие, как ты? – спросил Виктор, помолчав. – Севка-то и впрямь растёт. Приведёт домой девочку – и что? Даже если волшебницу. Станет ли она матерью Драконам? Как это всё работает?

– Я не знаю, – сказала Тэль, помедлив. – Я почти ничего не помню до того момента, как изгнали Драконов. Мы же загадочный клан, сам знаешь. И вряд ли кто-то в нашем мире помнит.

– Значит, надо спрашивать не в нашем мире, – пробормотал Виктор. – Ладно, Тэль. Пойду-ка я к Нотти. Скажу, что был резковат. Но потому, что испугался за неё!

– Вот и правильно, – одобрила Тэль. – Сходи. А я сделаю тебе нормальный завтрак. Аппетит-то драконий, небось?

– Я летел от самых Серых Пределов, – кивнул Виктор. И, чуть смутившись, добавил: – Над озёрами я сожрал стаю гусей. Ну, не целую стаю, трёх или четырёх.

– Живыми? – ужаснулась Тэль.

– Нет, огнём дохнул, они запеклись. И похватал, когда падали.

Тэль пожала плечами и философски заметила:

– Что поделать, такая у них судьба. Хотя лучше было бы ошипать и выпотрошить... Иди, поговори с дочкой. И зубы почисть!

Виктор улыбнулся и вышел. Тэль, качая головой и улыбаясь чему-то своему, открыла буфет. Задумчиво посмотрела на горшок с овсяным толокном.

– Тэль! – раздался крик.

И через мгновение Виктор ссыпался вниз по лестнице, растерянный и испуганный.

– Нотти в комнате нет! – крикнул он. – Её нет, и там... там...

Тэль, не спрашивая ничего, бросилась вверх.

* * *

Нотти оторвала голову от подушки и присела на кровати. Она даже не испугалась – возмутилась. Никто не должен входить без спроса, она это знала с самого детства! Даже мама стучала, прежде чем войти, даже папа. Разве что несносный Всеволод мог ворваться к сестре без приглашения.

Но в комнате не было ни папы, ни мамы, ни брата. У окна, спиной к ней стоял невысокий пузатый дядька...

– Обжора! – возмущённо сказала Нотти. – Ты... да как ты... как ты мог войти!

– В Замок бы не вошёл, ни-ни... – вздохнул Обжора, оборачиваясь. – Если хозяева уже там, то мне вход заповедан, ворота заперты, пути запечатаны, строго-настрого! А сюда... тяжело, конечно. Но могу!

Сейчас Обжора выглядел поприличнее, чем на морском берегу. Он всё так же носил рабочий комбинезон, вот только почище и поновее. И волосы были причёсаны, и усы подстрижены, и даже ботинки на ногах начищены. То ли коренастый работяга, то ли высокорослый гном.

Вот только он ни тем, ни другим не был.

– Ты, порождение Хаоса... – воскликнула Нотти с презрением. – Я позову отца, и ты заплатишься!

– Ну зови, зови, если хошь всю жизнь пробыть папиной Единорожкой... – фыркнул Обжора. – Мне что с того? Как вошёл, так и уйду. Тебе же хуже.

– Почему это? – спросила Нотти с подозрением.

– Почему? – удивился Обжора. – Не ты ли сейчас плакала, печалилась? Ах, почему ж я тут родилась!

Он на удивление удачно передразнил голос Нотти, и та нахмурилась.

– Объясняю! – быстро сказал Обжора. – Вопрос твой смысла, конечно, не имеет. Родилась бы в иной семье – была бы совсем другой. Так уж повелось, что клан ваш хоть и зовётся Драконьим, но девочки в нём рождаются Единорожками, а мальчики Драконами. Как правило... Тебе дана огромная сила, хоть ты по неразумению своему и мечтаешь об ином. Так что не печалиться тебе надо, а принять свой удел, повзрослеть. Как положено. Как случилось с твоей матерью, как случается с каждой Единорожкой.

– Ещё раз скажешь «Единорожка» – закричу! – пригрозила Нотти.

Обжора примиряюще поднял руки:

– Хорошо, хорошо. Единорог. Теперь слушай меня, времени у нас мало. Сейчас твой отец поворчит, да и пойдёт к тебе мириться. Он же у тебя хороший, добрый. – Обжора насмешливо фыркнул. – Тебе решать, пришёл твой час или нет.

– Что ещё за час? – спросила Нотти. Полезла в тумбочку, достала носовой платок, протёрла глаза, потом шумно, демонстративно высморкалась. Не собирается она разводить политес с тем, кто вообще человеком не является!

Обжора, видимо, убедившись, что завладел её вниманием, не спешил. Прошёлся по комнате, с любопытством изучая вещи. Мебель – красивая, резная, из белого лакированного дерева, его не заинтересовала, висящие в открытом шкафу платья и прочие Ноттины тряпки тоже (хотя Нотти и покраснела слегка, обнаружив, что даже бельё доступно чужому взгляду). А вот патефон, привезённый папой с Изнанки и исправно работающий в Срединном Мире, его привлёк.

– Ух ты... знатная машинка... – пробормотал Обжора. – Эн Эм пять сто два... Ух ты.

– Хиз Мастер Войс сто два! – с презрением поправила его Нотти. – Голос его хозяина, модель сто вторая! Это английский язык, балбес!

– How am I supposed to know English? – ответил Обжора. – Напридумывают языков, ну как дети, чесслово!

Он взял из стопки пластинку, положил на диск. Тщательно осмотрел иглу, нахмурился, после чего заточил ногтем, роняя на пол мягкую железную стружку.

– Запомни, одна сторона – одна иголка! – он погрозил Нотти пальцем. И запустил патефон.

– Я летаю в разные края,

Кто же знает, где мы завтра будем.

Дождик привожу в пустыню я,

Солнце раздаю хорошим людям²... – мягко запел Марк Бернес.

Обжора ухмыльнулся и неуклюже протанцевал пару шагов взад-вперёд.

– Говори, – сказала Нотти. – Я слушаю тебя.

– Вот это лучше, – одобрил Обжора. – Значит так, девочка. Силу свою настоящую вы, Драконы и Единороги, обрываете не сразу от рождения. Такова ваша особенность. И случается это в тот момент, когда мироздание в опасности. Вот и сейчас, чую я, такой час пришёл. Да и ты это знаешь, иначе не кидалась бы из стороны в сторону, слушала бы свои пластинки, волшебством игралась, шоколад лопала...

Нотти покраснела. Шоколад она действительно любила и считала это досадной слабостью.

– Хочешь, я с тобой заговорю,

Руку дам и станет путь короче.

Почему, дружок, – да потому,

Что я жизнь учу не по учебникам,

Просто я работаю, просто я работаю

Волшебником, волшебником... – продолжал мурлыкать певец.

Обжора взмахнул рукой – и патефон зазвучал тише.

– Хочешь доказать маме с папой, что ты чего-то стоишь? – спросил Обжора. – Хочешь мир спасти? Радуйся, пришёл этот час! Если не трусишь, конечно.

Нотти встала, подошла к Обжоре, толкнула его ладонью в могучую грудь.

– И что я должна сделать, а?

² «Я работаю волшебником», слова: Л. Ошанин, музыка: Э. Колмановский.

– То мне не ведомо, – ответил Обжора с достоинством. – Это твой путь, единорожий... – он хихикнул. – Смешно, да, звучит? Единорожий путь! Я лишь страж придорожный. Может, твой отец не знает, а я и ему путь открыл. Может, твоя мать и не помнит, а я для неё двери отворял!

– Всё ты врёшь! – сказала Нотти.

– Не веришь – сиди дома, крестиком вышивай, – сказал Обжора. – Значит, не готова. Мать твоя за мной пошла, не испугалась... что смотришь? Да, да. Потому и выжила, что в назначенный час я её из дома увёл, перед самым штурмом-то, перед самым побоищем...

– Она не рассказывала, – упрямо сказала Нотти.

– Конечно, – кивнул Обжора. – Ибо если ты войдёшь в дверь, которую я открою, ты забудешь нашу встречу и разговор. И себя саму ты тоже забудешь, Нотти. Ничегошеньки не вспомнишь, пока не выполнишь свой долг и не применишь силу!

– Ты всё врёшь, – ответила Нотти. – Мама не помнит своего детства! Помнит только, как скиталась по Срединному Миру после войны, как голодала, воровала, училась волшебству...

– Так она и не выполнила пока свой долг, – грустно ответил Обжора. – Я-то и сам думал, что долг её – вновь Дракона в наш мир привести. Ан нет! Что-то другое ей предстоит, чтобы вспомнить всё. И твоего предназначения я не знаю, девочка. Может, ты до старости ничего не вспомнишь, а живёте вы ох как долго! А может... может, и умрёшь ты. Не каждому в жизни удаётся свой долг исполнить.

Нотти сглотнула вставший в горле комок.

– Не каждому, кстати, и выпадает такой час, – с напором добавил Обжора. – Многие из твоего рода так и проживают свои века – веселясь, развлекаясь, распутничая. Будто игрушки заводные, игрушка-Дракон, игрушка-Единорог. Может, и был у них шанс настоящими стать, да только они его упустили...

– Обжора, ты думаешь, что я соглашусь пойти куда-то с тобой? Зная, что всё забуду? Ты за кого меня принимаешь, за дурочку сельскую?

– Я тебя принимаю за дочь Дракона и Единорога, – ответил Обжора. Лицо его стало серьёзным, утратило дурашливость. – Может, я и не всегда с ними в ладах, только на мир такая беда идёт, что все наши ссоры побоку.

Нотти стояла, глядя, как беззвучно крутится пластинка. Потом щёлкнул механизм, и диск остановился.

Она вдруг подумала, нет, даже не подумала, а поняла, что через минуту в спальню войдёт отец – и Обжора исчезнет. И выбор, странный и неожиданный, исчезнет тоже.

Нотти снова станет Единорожкой, любимой, но не слишком-то важной дочерью Дракона.

– И куда ты мне идти предлагаешь? – спросила она.

– Не знаю! – ответил Обжора. – Я только дверь тебе открою, дальше самой идти придётся.

Он суетливо подскочил к гардеробу, захлопнул дверь – придавив подол шёлкового розового платья, потом распахнул.

За дверью была темнота. Ночь. Шум волн.

– Вот твой путь, – сказал Обжора. – Если не трусишь.

Нотти показалось, что внизу, на лестнице, скрипнула под тяжёлой мужской поступью ступенька.

Она что, всерьёз собирается послушаться жутковатого Обжору, не то Хранителя, не то Повелителя Мира Прирождённых, мира Хаоса и жути?

Пойти неведомо куда и забыть, кто она есть?

Да, она собирается.

Потому что иначе она останется заводной игрушкой.

Никогда не узнает, способна ли она на что-то большее, чем быть любимой и скучающей дочерью правителей Срединного Мира.

– Могу я собраться, взять что-то? – спросила она.
Обжора грустно покачал головой.

Нотти подошла к открытой гардеробной двери. Из неё дышал слабый морской ветерок. Входить в шкаф было нелепостью, детской сказкой...

– Могу и сортирную дверь открыть, – сообщил Обжора, будто прочитав её мысли. – Хочешь?

Нотти кинула на него презрительный взгляд.

И шагнула внутрь.

– Ну надо же, – сказал Обжора с удивлением. Закрыв дверцу – и исчез.

За мгновение до того, как в комнату, постучав, заглянул Виктор.

* * *

Лой Ивер умела путешествовать. Любым образом, в любом обличье. Могла прикинуться деревенской девчонкой, впервые высунувшей нос за родимую околицу, могла – роскошной дамой, перед которой выстраивался по стойке «смирно» весь персонал Пути, не исключая самых важных гномов.

И сейчас, держа путь на север, она решила исчезнуть.

Лой Ивер, маг первой ступени, глава клана Кошки – растворилась на просторах Срединного Мира. Нечего остальным знать, что она собралась к Серым Пределам и что намерена там делать. Найти её будет куда как непросто, а кошачьи тропы ведут через самые неожиданные места, сбивая излишне любопытных со следа.

...Великолепная Лой в платье, видимом за версту, неспешно вошла в здание вокзала. Нашлось бы множество свидетелей того, как она брала билет и как садилась в поезд «Звёздная Стрела», самый роскошный на всём Пути. Гном-проводник бы поклялся собственной бородой, что госпожа Ивер пребывала в его вагоне и даже вспомнил бы, что она велела подать на ужин в отдельное купе.

...А на самом деле из подвального оконца выскользнула совершенно неприметная кошечка – полосатка, каких миллион. Не истинное обличье главы клана – пришлось потрудиться, убирая шикарный рыжий мех, пушистый хвост и за версту заметные глаза, но получилось.

Тропа сама струилась под лапы. Кошки магичны по природе своей, им открыты тайные дороги, но пользоваться ими желательно лишь в исключительных случаях.

Некоторые люди тоже на них попадают. Особенно переходя с Изнанки в Срединный Мир.

Драконы, кстати говоря, ими не хаживают. Во всяком случае никто из клана Кошки о таком не слышал.

Ну, или не пережил встречи, чтобы о ней рассказать.

А вот Единороги, Неведомый клан, говорят, другое дело...

Сперва всё вокруг казалось таким же, привычным, неизменным. Змеящийся, сверкающий сталью Путь. Пахнущие чем-то неприятным шпалы, закапанные тёмным. Кустики вдоль насыпи, полосатые шлагбаумы на переездах, запылённые телеги и тележки, терпеливо ожидающие очереди.

Кошка бежала.

А потом Путь вдруг вильнул и ушёл в сторону, вокруг вздыбились высоченные папоротники – «доисторические», как сказал бы всё тот же особо умный Кот с Изнанки. Под широкими листьями залегла недобрая тьма, но Лой не остановилась, даже не замедлила бег.

Всё это страшилки для котят, чтобы не совали носы куда не надо, прежде чем войдут в полную силу.

Темнота обрушилась на неё водопадом, приняла в себя, скрыла, растворила следы. Запах чужого наплывал со всех сторон – чужой жизни, чужих страстей, чужой злобы. Лой-кошка мягко перемахнула через выбеленный скелет какого-то страшилища, чья башка, казалось, состояла из одних челюстей.

Много их тут валяется таких, кто думал, что самый сильный...

Череп приподнялся, клацнул зубами, едва не ухватив Лой за хвост.

«Ах ты ж, чтоб тебя, мертвяк несчастный!.. Только этого мне не хватало!..»

Мертвяки вне Серых Пределов по Срединному Миру не хаживали. Другое дело, на кошачьих магических тропах, тут могло приключиться вообще всё, что угодно, но доселе Лой в подобные переделки не попадала, кроме одного лишь раза.

В тот год, в тот месяц, в те дни, когда Прирождённые пошли-таки на приступ и когда Дракон Возрождённый встретил их на черте реальностей, над Тёплым Морем, в сердце бури.

И вот опять. Да ещё так близко, у самого входа!..

Ящер – а это был именно ящер, костяк, совершенно лишённый плоти – выбрался из влажной грязи. Нагнул шею, пустые глазницы вперились в Лой, и припустил следом.

Кошка молнией взвилась, срываясь с места, распластываясь в беге.

Реальность вокруг начала стремительно меняться. Это не дело, конечно; чтобы попасть, куда надо, должно следовать Тропе, если начинаешь сама крутить и вертеть, неизвестно, куда вынесет, но... уж слишком белыми и хорошо сохранившимися выглядели зубы этого «ископаемого», как заметил бы всё тот же шибко умный Кот.

Папоротники на глазах желтели, усыхали, падали, на их трупах мигом укоренялись и выпускали листья новые побеги. Стало холоднее и ещё темнее, Лой вихрем промчалась сквозь жаркий и влажный лес, с разгона вылетев на холодный неласковый «асфальт», как называли это обитатели Изнанки.

Здесь тоже стояла ночь, прохладная и безлунная. Громады высоченных зданий без единого огня нависали над ней, позади остался наполовину обвалившийся забор из колючей проволоки; проржавевшая надпись – чёрным по жёлтому – сообщала о «карантинной зоне» и что «охрана стреляет без предупреждения».

Но, во всяком случае, топот костяных лап за спиной стих.

Кошка не думает, когда идёт своей Тропой, её ведёт инстинкт.

И он повёл – направо, узкой дорогой, где в трещинах покрытия пробилась покрывшая шипами ядовитая трава. Слева, где высились тёмные небоскрёбы, молчаливой шеренгой выстроились уличные фонари: ни один не горел, зато каждый столб оказался погнут, словно кто-то забавы ради колотил по ним палкой.

Большой такой палкой...

Быстрее, Кошка Лой, быстрее!

Это плохое место. Тут нельзя долго находиться даже ей, магу первой ступени.

Между двумя фонарями Лой увидела сидящего на асфальте человеческого детёныша – мелкого, лет трёх-четырёх. Был он замызган, одет в какую-то рваную, не по размеру одежду. В одной руке детёныш держал поломанный игрушечный паровозик, беззвучно размахивая им налево-направо, а все пальцы другой запустил в рот. Увидев Лой, детёныш вытащил руку изо рта и радостно прокричал:

– Киса!

Лой ускорила бег. Она и обычных-то детей недолюбливала и побаивалась, а уж проживающих в таком странном месте...

– Киса! Киса! – несло её вслед, затихая.

Над трещинами постепенно сгушался зеленоватый не то дым, не то пар. Заскрипела и приоткрылась ржавая дверь узкого железного сарая – в таких обитатели Изнанки держали свои машины.

Темнота извергла из себя пыльную грудку какого-то хлама, словно дверь поддерживала его, поддерживала, да наконец и не выдержала. Чёрные ошметки рассыпались удушливой пылью, Лой зачихала.

Быстрее, Кошка! Ещё быстрее! Следуй Тропою, верь чутью!..

Ага, чутью – его-то душная пыль как раз напрочь и отбила. Лой закрутилась, метнулась из стороны в сторону, пытаясь прочихаться; меж ржаво-бурых гаражей, среди давно умерших сорняков, ей почудилось движение, сгустки темноты ещё чернее окружающей ночи, быстрые, бесшумные, целеустремлённые.

Псы. Бродячие псы.

Они выныривали один за другим, проворно и ловко, молча кидаясь в погоню. Такая же свора в считанный миг преградила дорогу и впереди.

Тропа не хотела её пропускать. При этом старательно подсовывала что-то из мира Изнанки. Ящер-скелет. Заброшенный город и одичавшие псы...

Для Лой оставалась открытой только одна дорога – вновь под ограду из колючей проволоки, через глубокую вонючую канаву (только что её тут и в помине не было), через поле, мимо торчащих из земли трухлявых проржавевших железок, каких-то самоходных механизмов, до половины вросших в грунт; перед Кошкой вновь воздвигся лес, но уже не прежний, «доисторический», а тёмная чаща низких примученных сосенок, словно растущих на топком болоте... Стоп! Топкое болото, там оно и есть!

Лой оглянулась. Тёмные безглазые псы, клубки непроглядного мрака, так и застыли у колючки, тарашась ей вслед невидимыми и несуществующими буркалами.

Магия сходила с ума.

Кошка остановилась у края болотины, брезгливо тронула лапкой тёмную воду, покрытую маслянистыми разводами. Прыгнула на одну кочку, перемахнула на другую...

Псы позади терпеливо ждали, не пытаясь преследовать. А может, и не могли? Как не смог тот костяк древнего ящера?

Лой не удержалась – показала своре язык. Она не сомневалась – это увидят.

Третья кочка, четвёртая...

Город и заваленный ржавым железом пустырь исчезали, поглощаемые чащей.

Вернулось чувство направления, да так хорошо, по-настоящему вернулось! Ободрённая, Лой заскакала ещё живее. Ну и что, подумаешь, трясина, что она, трясин не видывала?..

Скок, скок, ещё скок – кочки становились всё реже, пространства тёмной воды – всё шире. Это Кошке не понравилось, но, с другой стороны, ощущение *выхода* становилось всё сильнее. Скоро, совсем скоро она выберется на гномий Путь близ Пределов, передохнёт, обдумает всё случившееся...

Кочки исчезли вообще. Перед Лой Ивер расстилался тёмный пузырящийся пруд не пруд, бочаг не бочаг, озерцо не озерцо – заполненное водой пространство. С другой стороны в него сбегали ржавые рельсы, и на них застыл до половины ушедший в топь, облезло-ржавый тепловоз. Видела она в Изнанке подобные...

«Фу-у-у, – подумала Лой. – Лезть в эту мерзкую жижу?..»

На Тропах, привычные чары не работают или работают совсем не так, как ожидаешь. Здесь просто идёшь, куда подсказывает чутьё.

Здесь чутьё вело совершенно не туда.

И полузатопленный ржавый гигант не внушал абсолютно никакого доверия.

И вообще никогда не было на Тропах так много Изнанки!

Делать было нечего. Лой бросилась в воду и поплыла.

Было мерзко и гнусно. Что-то склизкое касалось лап, пыталось обвиться вокруг них, опутать, утянуть на дно; Лой яростно шипела, вырывалась, всё ближе и ближе подплывая к ушедшему в топь передку тепловоза. Стёкла выбиты, в кабине плещется болотная жижа.

Ничего, «ещё немного, ещё чуть-чуть...».

Пришедшие с Изнанки обожали эту песню.

Вот он, металл, ещё видна кое-где тёмно-зелёная краска.

Глубоко под водой вспыхнули фары. Два сильных луча пробили болотную толщу, железо заскрежетало, заскрипело, тепловоз содрогнулся, подался назад. Прямо перед Лой раскрывалась громадная пасть, полная кривых ржавых зубьев – от края до края, забегая даже и на борта.

И разом забурило, вскипела топь. Ядовитый зелёный пар полз от лопающихся пузырей, и Лой Ивер рванулась вперёд, прямо в ждущую глотку; в последний миг, опережая уже готовые сомкнуться челюсти, оттолкнулась от козырька над фарой, метнулась в сторону, на твёрдое, бросилась прочь от гнусной топи.

Под кошачьими лапками стала рушиться земля.

Лой молнией промчалась мимо уходящего вверх тепловозного борта. Рядом ржавые колёса с трудом провернулись раз, другой, вытягивая из трясины дряхлого исполина. Но Кошка уже обгоняла его, уже оставляла позади; вот только не оставалось места, где бежать, топь стремительно поднималась, подступая к самым рельсам, на поверхности вспухали и лопались громадные пузыри, распространяя смрад, и Лой знала, что вдыхать его – смерть.

Оставался только один путь – прямо по рельсам. По ржавым рельсам, на которые выбирался сейчас из болота тепловоз, и такая же пасть открывалась на противоположной от погружённой в воду стороне.

Фары вспыхнули и здесь, скрестились на полосатой кошке. Раздался рёв, и ржавая громада тронулась с места.

Лой помчалась вперёд. Ничего, сейчас она свернёт в сторону...

Сворачивать было некуда. Болото быстро заливало колею, и только рельсы поднимались над мерзкой жижей. Только рельсы, в которых – вдруг осознала Лой – явственно ощущалось сейчас гномье начало.

Путь. Это же часть Пути! Искажённая, захваченная чуждой силой, но всё равно – часть Пути, шедевра гномов!.. Потому их, эти рельсы, и не может залить полностью!..

И она припустила во всю мочь.

Позади заревел, заскрежетал тепловоз. Он разгонялся, пасть его раскрывалась всё шире; Кошка уже не бежала, почти летела, не касаясь рельс; совсем рядом пузырилось и вскипало поднимавшееся болото.

Путь становился, однако, всё прямее и прямее, и ночь сменилась сперва сумерками, а потом и рассветом.

Солнечные лучи брызнули на почти нагнавший Кошку тепловоз, тот издал протяжный, яростный скрежет, полный неуголимой ненависти, и начал тормозить.

Лой прыгнула, вытянулась во всю длину – и мир вокруг вдруг замерцал, изменяясь. Болото исчезло, будто и не было его. Осталась лишь серая туманная муть, в которой человек бы утонул по колено, а Лой в кошачьем теле лишь едва-едва могла высунуть голову. Туман был плотный, не разглядеть, что под ногами, да и не очень-то хотелось; там что-то похрустывало, ломалось даже под лёгкими кошачьими лапками.

Да где ж она оказалась-то? Куда вывела тропа? Лой не чувствовала Пути, стояла в бесконечном туманном море, над головой всходило солнце... ох, как-то слишком быстро оно всходило... и на солнечном диске явственно проступали закрытые веки и медленно шевелящиеся губы!

Лой затрясло. Она поняла, где оказалась.

В Море Прирождённых.

В море Хаоса, неоформленной сырой магии, где всё возможно – и всё невероятно одновременно.

Выхода отсюда нет.

Впрочем, и хода сюда тоже никогда не было. Путь, пускай и сотворён волшебством, нуждается в реальной основе.

Что же делать?

Лой подняла лапку – и лизнула её. В любой непонятной ситуации – вылизывайся.

Солнце над головой мерцало, становясь то лимонно-жёлтым, то апельсиново-оранжевым. И самое удивительное, мир вокруг начинал пахнуть то одним цитрусом, то другим. Откуда Хаосу знать, как пахнет лимон? Это знает лишь Лой...

Прикрыв глаза, кошка стала вспоминать Путь, но в голову лез лишь чудовищный паровоз, она выбросила его из мыслей усилием воли – и заменила на сломанный паровозик в руках встретившегося на пути детёныша...

– Не хочу! – проревело рядом.

Лой подскочила на месте, шерсть встала дыбом.

Перед ней сидел давешний детёныш – слепленный из серого тумана, но уже обретающий цвет и плотность. Вот только ростом младенец был метров пять, и смотрел он на Лой с неприкрытой ненавистью.

– Не хочу! – снова прокричал ребёнок, сотворённый из Хаоса. Взмахнул паровозиком, зажатым в руке – жалкая пластмассовая игрушка пронеслась мимо Лой, и за неподвижными колёсами на миг возникли призрачные рельсы.

Путь!

Лой прыгнула на тающие рельсы и побежала по ним. Детёныш остался позади, рассыпаясь хлопьями туманной ваты вместе со своей игрушкой. Вокруг Лой вставали и рушились призрачные фигуры, доносились голоса, стоны, рычание, щёлканье и скрежет – её появление пробуждало Хаос, вовсе не желающий просыпаться. Она неслась вперёд, Путь разворачивался впереди и исчезал сзади...

...А перед глазами вдруг замелькали красные сигнальные огоньки стрелок, запахло углём, раздались гудки маневровых паровозиков, и Лой Ивер со всего размаху выскочила на сплетения множества рельсовых путей.

Станция. Станция гномов.

Она оглянулась – рельсы за её спиной кончались коротким тупиком. Чёрно-белым бруском, круглыми блинами подтоварников.

...Но далеко-далеко за ними по-прежнему светили фары *того самого* тепловоза.

Глава пятая

...Первую секунду Эриком полноправно владел восторг – чистый, яркий, звенящий, будто при первом настоящем поцелуе год назад или, пусть это совсем другое и вовсе не такое уж хорошее дело, после пары затяжек травы с ребятами. Если поцелуи потом случались, то курить Эрик больше не пробовал, испугался именно этого неестественного, снаружи взявшегося веселья.

Но сейчас, прыгнув с парапета и будто зависнув в воздухе над сверкающим огнями городом (чувствуя бьющий в лицо ветер и обманчивую лёгкость тела, понимая при этом умом – он падает, блин, он падает!), Эрик ощущал именно тот трепетный восторг, который наполнил его весенним вечером, когда они целовались с Анькой – так давно, миллионы миллионов лет назад; и Анька уже целуется с другим, но восторг не забылся.

Чувство шло откуда-то из глубины души, из сердца, переполняло всего.

Хотя он прекрасно понимал, что сделал чудовищную глупость, совершил непоправимое, прыгнул с крутого склона, сейчас его приложит о камни, он покатится вниз, ломая руки и ноги, останется навсегда изувеченным или просто умрёт.

А родители – плевать на всё, именно родители, – решат, что он услышал их неосторожную реплику и, будто истеричная девчонка, решил покончить с собой!

Но странное дело, оба этих чувства – и восторг, и тоскливое ощущение непоправимой беды – жили в нём одновременно, не смешиваясь друг с другом.

Тёмный, заросший склон приближался, Эрик напрягся, понимая, что падает вниз головой, будто в воду прыгнул, но до спасительной воды далеко, очень далеко...

И вдруг городские огни исчезли.

«Я разбился – подумал Эрик. – Я разбился насмерть. А мне кажется, что я всё ещё лечу. Я буду лететь так вечно – в темноте, со свистящим в ушах ветром и невесомым телом!»

...Когда утром охранник с напарником дважды обшарили склон и никого не нашли, охранник выдохнул и вытер лицо грязным носовым платком.

– Будешь? – напарник протянул сигарету, и охранник взял, хотя курить бросил много лет назад.

– От сердца отлегло, – пробормотал охранник. – Молодой же совсем пацан, жить да жить!

– Да и по судам бы затаскали, – добавил напарник. – Сам прыгнул или скинул ты его – времена нынче такие, сразу виноватого искать станут.

– Но я же видел, он вниз летел! – охранник растерянно посмотрел на высокий склон.

– Бэтмен, наверное, – ухмыльнулся напарник. Был он молодой и уверенный в своих суждениях. – Ты, дядя Миша, зря напрягаешься. Пацан твой под кайфом был, они сейчас спайсы всякие курят и дрянь глотают. А наркоманы – они ж как тараканы! Ничего их не берёт! Упал, прокатился, встал и пошёл. Может, конечно, потом и помрёт. Но это уже не наше дело.

Охранник кивнул, выбросил окурок, растёр тщательно ногой. Сказал:

– Да лучше бы не помер. Жалко всё же.

– Будем считать, что жив-здоров, – успокоил его напарник.

...Так получилось, что он был совершенно прав.

Эрик был жив и здоров, хотя все шансы погибнуть у него остались.

Но не от падения.

Мысль о вечном падении в темноте едва успела прийти Эрику в голову, была она хоть и дикой, но вполне правдоподобной – откуда же знать, что случается с людьми после смерти? Но в следующий миг он увидел под собой какие-то дрожащие огоньки... будто отражения... отражения звёзд в воде... в волнах!

Он успел вытянуть перед собой руки и даже задержать дыхание. И вошёл в воду – будто ударился о тугие тяжёлые маты в спортзале, сорвавшись с каната, была у него давным-давно такая история. Тогда Эрик лежал, не в силах сделать вдох, учитель физкультуры носился вокруг, багровея, потом начал неумело давить Эрику на грудь и наклонился, явно намереваясь делать искусственное дыхание изо рта в рот. От учителя пахло чесноком и тяжёлым кислым потом, и Эрик сразу очухался, начал махать руками и подавать прочие признаки жизни.

Сейчас он тоже не мог вдохнуть, но по другой причине – он был глубоко в воде, его сильно ударило, перевернуло, и он даже не мог понять, где верх, а где низ. Казалось, что плыть можно в любую сторону. Везде одинаково холодно, темно и страшно.

«Я долетел до воды?» – ошарашенно подумал Эрик. Как так могло случиться? Он же не птица. Он не мог пронестись сотни метров по воздуху!

Но сейчас это было не самым важным.

Верх.

Где здесь верх?

Усилием воли он заставил себя прекратить трепыхаться и застыл, слабо поводя руками. Увы, сбита с толку вестибулярка ничего не подсказывала. В памяти пронёсся детский мультик и весёлая песенка: «Кто же, кто же виноват, что подводит регулярно самый важный аппарат – аппарат вестибулярный!»

Нет, наверное, если застыть совсем – то он будет всплывать. Вода солёная, его вытолкнет вверх. Вот только нет времени, нет воздуха в лёгких на медленное всплытие.

Стоп. Главное – он жив. Значит, высота падения была не столь уж большой, с высоты больше двадцати метров он разбился бы наверняка. Вода затормозила, он сейчас на глубине нескольких метров... ну, допустим, пяти. Да, лучше считать, что пяти. Это не так много. Он видел отражения звёзд на волнах. Значит... значит, где-то тут должны быть звёзды...

Эрик медленно закрылся, изо всех сил открывая веки. Вода щипала, она была удивительно солёная, куда солонее, чем в бухте, но закрыть глаза было нельзя...

Вот!

Он увидел слабые искры света. Совсем не там, где ожидал увидеть поверхность.

Это точно звёзды?

Или искры из глаз?

Или планктон в глубине?

Но колебаться уже не было времени. Эрик взмахнул руками (почувствовал, как в кистях отозвалось болью, но и на это нельзя было отвлекаться). И стал выгребать к свету.

Как же будет обидно, если сейчас его руки коснутся дна, и он поймёт, что плыл вниз...

И в этот миг Эрик вырвался из воды, выскочил едва ли не до пояса и снова погрузился по шею. Это было так неожиданно, его готовность плыть до последнего так сильна, что он даже не вдохнул сразу, а ошарашенно огляделся и лишь потом полной грудью втянул свежий воздух.

Была ночь. Облачная, проглядывали лишь отдельные звёзды, луны не было видно. Это ему повезло, что хоть какие-то звёзды светили... До земли было метров сто, и силуэт береговой линии его ошарашил – высокие скалы, никаких огоньков, никаких зданий. Во всём Владике свет выбило? Да ну, чушь, это вообще не похоже на родной город!

На море шла волна, несильная, иначе бы Эрику несдобровать, он и впрямь плавал средненько. Всё сильнее и сильнее ныли кисти и ладони, отбитые об воду. И голова с каждой секундой начинала болеть всё резче.

Он поплыл к берегу.

Неважно сейчас, где и как он оказался.

Главное – выбраться из воды.

Потом, пожалуй, самое важное будет согреться. И воздух-то был не тёплым, а уж вода – совсем холодной.

Но он справится. Непременно. Не зря же он выплыл!

Эрик сократил расстояние до берега почти наполовину, когда понял, что силы стремительно вытекают из тела. Может быть, кончился адреналин, может быть, сказалось сотрясение, которое он явно получил. Нет, вода была такой солёной, что держала неплохо, но вот плыть сил уже не оставалось. Он барахтался на одном месте, не удаляясь, но и не приближаясь к спасительной суше. Эрик почувствовал, что на глаза начинают наворачиваться слёзы, а где-то в горле рождается то ли крик, то ли рыдание.

Рядом вдруг плеснуло. Пронеслось вокруг едва различимое гибкое тело, блеснул большой глаз, не рыбий – любопытный и даже вроде как сочувственный.

Тело шумно выдохнуло тёплым воздухом вперемишку с брызгами воды.

Дельфин!

А потом дельфин нырнул – и ткнулся Эрику под живот. Юноша обхватил его рефлексным судорожным движением и почувствовал, как забурлила вокруг вода. Дельфин нёс его к берегу! Как в сказке, как в кино! Так это правда, они спасают тонущих людей? Эрик всегда думал, что в этих историях больше вранья, но вот же – гладкая, будто шелковистая, тёплая кожа дельфина под руками, и он несёт его к берегу!

Метрах в пяти от скал дельфин затормозил – легко, красиво, развернувшись и бесцеремонно скинув Эрика в воду. Эрик почувствовал, как дельфиний плавник зацепил предплечье, и то отозвалось болью – кажется, плавник распорол кожу. Но он был у берега, он был спасён!

– Спасибо! – прокричал Эрик. – Спасибо, друг!

Острая морда вынырнула из воды, похожая на клюв пасть открылась, блеснув острыми зубами. И дельфин проскрежетал, тонко, но совершенно явственно:

– Какой такой друг? Плыви давай. Охоте мешаешь!

Дельфин нырнул и исчез, оставив Эрика барахтаться в воде. Он что, поговорил с дельфином?

Да ну, правда, что ли?

Опомнившись, Эрик из последних сил поплыл к берегу. Волна подтолкнула его, с той же степенью дружелюбия, что и дельфин. Эрика выкинуло на гальку, на узкую полоску залитого водой пляжа под нависающими скалами.

Постанывая, Эрик отполз от воды. Полежал, потом сел. Посмотрел на предплечье – точно, куртка распорота, виден сочащийся кровью порез, к счастью, неглубокий.

Хорошо, что он в запарке даже куртку в воде не сообразил скинуть...

Эрик снял куртку, достал из кармана носовой платок – мама всегда следила, чтобы он был в кармане, старомодный матерчатый платок... Зажал им порез. Ничего, заживёт. Посидел так, потом ещё порылся в карманах. Мобильник. Как и следовало ожидать – не включается. Может, просохнет ещё? Пачка сигарет размокла в кашу, выбрасываем, хорошо, что он лишь баловался временами. Зажигалка мокрая, не работает. Но, может, высохнет? Ключи! А вот это здорово, на них брелок-ножик, а в ножике крошечный фонарик. Работает? Ура, спасибо китайским братьям, работает!

Эрик посветил вокруг.

Камни, камни, камни...

Выброшенные прибоем водоросли и плавник. Никаких банок-бутылок-поплавков от сетей. Странно...

Лежащая навзничь у самой воды девушка. Юная девушка, его ровесница, в какой-то причудливой одежде, похожей на немецкую фольклорную.

Его что, куда-то в Баварию занесло?

Как?

Да и откуда в Баварии море?

Впрочем, Эрик не был до конца уверен в своём знании географии.

Но у него начало закрадываться нехорошее подозрение, что он вовсе не на Земле. Говорящих дельфинов точно нигде не водилось, ни в Приморском крае, ни в Германии.

Он на четвереньках (встать сил не было) добрался до девушки. Посветил ей в лицо. Симпатичная. Живая или нет?

Девушка открыла глаза и посмотрела на него.

– Тихо, тихо! – прошептал Эрик. – Всё хорошо!

И попытался вспомнить что-нибудь немецкое. Увы, слова в голову лезли лишь такие, которые пригодны на поле боя... ну или в постели. «Хенде хох! Дас ист фантастиш!»

– Их бин Эрик! – сказал он, сделав чудовищное мыслительное усилие, и указал на себя.

Девушка некоторое время смотрела на него. А потом сказала:

– Ихбин Эрик? Какая дурацкая фамилия...

И снова закрыла глаза.

А Эрик с содроганием понял сразу две вещи.

Во-первых, девушка говорила не на русском. И не на немецком.

Но он её прекрасно понимал.

А во-вторых, девушка ему нравилась. И было ужасно глупо, что она теперь считает его каким-то придурком по фамилии Ихбин.

* * *

Станция была Рянском, и Лой аж присвистнула слегка – далеко ж её забросило!.. С одной стороны, эффективно, с другой же...

Она вспомнила жуткого младенца с паровозиком и поёжилась. Разумеется, так, чтобы никто не заметил.

Гномы-обходчики, конечно, углядели золотое платье на путях. Были они почтительны, но не более – Путь есть Путь, он всем нужен. Махнув рукой на конспирацию, госпожа маг первой ступени, глава клана Кошки Лой Ивер потребовала препроводить себя в зал для важных персон, а также билет на ближайший поезд. Какой будет.

И потом просидела, невидяще глядя в окно, всю дорогу. Глядела в стекло, а видела только сотканных из тьмы псов, ржавый тепловоз и всё того же младенца.

Очень, очень это походило на то, о чём рассказывали и Виктор, и Обжора.

Она побывала у Прирождённых. В местах, откуда редко возвращаются. Когда-то давно её заносило в Хаос, но не в такую первобытную жуть...

Другую бы трясло от ужаса, но глава клана Кошки не была бы главой, не умей она, когда надо, отодвигать страхи в сторону.

Прав был Обжора – что-то случилось. Пали какие-то законы и правила, считавшиеся незыблемыми. Ну, словно бы яблоко не стукнуло по лысине какого-то чудака, открывшего, что все предметы падают вниз, а полетело в небеса. Исследовать тропы Кошек, конечно, можно, но если они ведут на ту сторону Разлома, в Мир Прирождённых... то нет, не стоит. Мы займёмся Серыми Пределами.

...Она сошла на той самой станции, где некогда начался путь Дракона Возрождённого. Лой знала ту историю наизусть. Как Тэль, Единорог из Неведомого клана, привела не осознавшего ещё свою сущность Владыку с Изнанки сюда, как они прошли мимо Серых Пределов, остановились в гостинице, ужинали в «Королевстве Конама Молчаливого», а потом...

А потом Тэль его оставила. Бросила одного в чужом мире – дескать, так было нужно!.. И добро б ещё после бурной ночи...

На низкий перрон выбралась девушка в цветастой длинной юбке и белой расшитой блузке с несколькими нитями деревянных бус. Присмотревшись, знакомый с Лой всё равно узнал бы её черты, но сейчас уже не было времени целиком и полностью сменить обличье.

Вокзал не изменился. Крылатый Владыка, побывав здесь, помнится, что-то бормотал не слишком понятное про «а бордюры и плитку мы укладывать новые не будем, нет, не будем... и вообще, никаких реноваций...», и потому вокзал заново оштукатурили, покрасили, поменяли рамы, на площади гномы починили фонтан, поприветствовавший Лой весёлым журчанием. «Ларьки», как выражался господин Дракон, убрали, заменив деревянными павильончиками с резными наличниками, отчего-то приведшими Виктора в полный восторг. «Аутентичная этничность» или «этническая аутентичность», как-то так. Лой, собственно, было всё равно, однако она прошествовала в торговые ряды, прошлась туда-сюда, попробовала то, примерила это, купила какую-то мелочь, с удовольствием зачмокала мёдом – им торговал всё тот же сухонький старичок, за прошедшие годы изменившийся настолько мало, что Кошка невольно заподозрила в нём мага под прикрытием.

Лой Ивер слушала. И спрашивала сама. Пройдя мимо торговли газетой – той самой, на гномьем наречии, – быстро и ловко проглядела заглавия.

«Надежны ли Пределы? – мнения, факты, комментарии».

«Хирд провёл внеплановые тренировки».

«Нашим жителям ничто не угрожает, сказал городской голова».

«Стражи Серых Пределов – готовы ли к новым вызовам?»

– Тётенька, а к Выселкам Белым дорога-то как, безопасная? – невинным голоском поинтересовалась Лой у мрачно взиравшей на неё гномихи.

– Тоже мне, племяшка нашлась! – фыркнула та. – Откуда свалилась-то? Нетути у нас тут дорог безопасных больше! Были, да все вышли!

– Бяда настала! – поддакнул старичок с мёдом. – Отродясь такого не видывали!.. Как господин Дракон-то вернулся, порядок-то навёл он, да, навёл!.. Стража Серых Пределов место своё вспомнила!.. Озоровать бросили, какие разбойники имелись – повывели!..

– А теперь-то, теперь-то! – перебила его гномиха, воинственно потрясая пачкой газет. – Конных арбалетчиков с юга пригнать пришлось!.. Для помощи, значит.

– Так что ж происходит-то, тётечка? – Лой сделала круглые глаза. – Как мне в Выселки-то попасть?.. В Белые!..

– В Белые, говоришь? – вновь встрял дедок. – В Белые ещё пройдёшь, да, а вот в Красные уже всё, нет там дороги, девонька...

– Да что ты брешешь, старый! – напустилась на медовара гномиха. – Дороги опасные, да, но в Красные Выселки проехать можно, ну, если наши проводят. А вот за Кривой Ручей...

– Кривой Ручей да, – вздохнул старичок, соглашаясь. – Что, страшно, девица? А ты вот лучше медка ещё возьми, с ним не так жутко будет, да!..

Лой взяла. Медок был хорош.

– А что с Кривым Ручьём, дедушка?

– А! – тот поднял палец, победительно глядя на нахохлившуюся гномиху. – Мертвяки набежали, внучка! Стражу смяли, Предел сам смяли, всех побили-порубили, остальных в полон уволокли, к себе, за черту, значить!

Тут не только симпатичная, но не шибко далёкая девушка в цветастой юбке и с деревянными бусами выпучила глаза, но даже и сама Лой.

– К-как уволокли?

– Да вот так! – выпалила гномиха, опередив дедка. – Никогда такого не было и вот опять!..

– А уволокли-то зачем, тётечка?..

– Что я тебе, мертвяк, что ль? Откуда ж я знаю?

– Ха! Ты-то не знаешь, а я-то да! – старичок взял реванш. – У меня-то правнук с самим сударем Ярославом Предельным служит!

Ярослав. Да, эту историю она тоже знала. Мальчишка, сын стража Серых Пределов, единственный уцелевший из всей семьи после схватки с Наказующими Водного клана и впоследствии возвышенный господином Драконом, даровавшим ему фамилию «Предельный».

Господин Дракон не забывал своих верных.

Только о ней, Лой, он забыл...

И та ночь никогда больше не повторилась.

Ш-ш-ш! Мысленно Лой влепила себе звонкую оплеуху.

– Уволокли живых мертвяки, значить, чтобы в рабов превратить, чтобы трудились на них, значить, обмывали, одевали, обували, за могилками следили!..

– Тьфу, болтун старый! Нет там никаких могилок!..

– А мне правнучок говорил, что есть!..

– А я говорю...

Лой тихонько отошла в сторону.

Ярослав Предельный. Что ж, теперь понятно, где спрашивать.

...Долго искать не пришлось. Сударь глава стражи Серых Пределов уже давно взял привычку ужинать в той самой ресторации «Королевство Конама Молчаливого».

Ресторация упрямо сопротивлялась времени. Её подновляли, но ничего не меняли – как же, если её почтил сам Владыка!..

Лой вошла; у барной стойки всё так же, казалось, дремал безногий эльф по имени Дарси.

А вот рядом с ним устало ссутулился широкоплечий мужчина лет сорока в добротной кожаной куртке и с мечом за спиной. Перед ним стоял бокал пива, «верского золотого», но не похоже было, чтобы он его даже пригубил.

За стойкой распоряжалась симпатичная девушка, курносая и коротко стриженная брюнетка, бросающая на сударя Ярослава совершенно недвусмысленные взгляды. Правда, Страж Серых Пределов обращал на неё внимания даже меньше, чем на нетронутое пиво. Он просто говорил в пространство, и ему было совершенно неважно сейчас, слушают его или нет.

– Тут-то они и попёрли. По дюжине стрел в каждом, добрых стрел, наговорных – а они прут и хоть бы хны!..

– Так мертвяков же в голову надо, да, господин Ярослав? – девушка затрепетала ресницами.

Тот словно и не услышал.

– Вторая сотня в бок им ударила. Третья в спину зашла. А те прут и прут, не падают, издали не расстрелять, за клинки браться пришлось... те, что Владыка самолично делал...

– Ой, страх-то какой!.. – девушка очень натурально прижала ладошки к щекам.

– Пришлось их в мечи брать и в топоры. Никак иначе не унимались...

– Даже эльфы не помогли? – Похоже, Дарси не так уж и дремал.

– Они старались, друг, – Ярослав воззрился на бокал, словно впервые увидав. – Сделали, что могли. Но... чары Владыки были только на клинках. Я уже послал ему весть, доложил о случившемся... Стража Пределов исполнит свой долг, однако, чтобы остановить заразу, нам нужны как раз стрелы с драконьим огнём...

И резко обернулся, глянув Лой прямо в глаза.

«Хорош, – невольно подумала она. – Широкоплечий, но без грузности. Сухой, поджарый, два шрама рассекают щеку. И тот самый медальон Владыки на груди».

Ярослав вдруг прищурился, и Лой осознала, что сила медальона пробивается сквозь сотворённую ей иллюзию. Здесь, подле Серых Пределов, артефакт был особенно мощен.

Лой прижала палец к губам, на миг ослабляя чары – только для Стража.

Тот понял, едва заметно кивнул, отхлебнул пива.

– Чем могу помочь, дева?

– Простите, сударь Страж... – Лой не выходила из образа. Стриженная барменша прожгла её ревнивым взглядом. – Мне бы в Выселки Белые... про дорогу разузнать...

– А, в Белые... – кивнул Ярослав. – Благодарствую, Дара. Матери привет передавай. Да к деду, Конаму, на могилку сходи, не забудь.

Звякнуло серебро.

– Идем, дева, – легко сказал Страж. – Посмотрим, как тебе пособить.

...Выходя из ресторана, Лой ощущала спиной яростный взгляд той самой Дары.

– Благодарю, Страж.

– Счастлив помочь вам, госпожа Лой. Я сразу понял, что вы к нам не просто так.

Небольшая комнатка в казарме стражи Пределов. Узкая койка, застеленная с маниакальной аккуратностью. Стол, заваленный свитками, огромная карта на стене, вся утыканная разноцветными флажками. Доспех на расчалках, оружие на колышках, вбитых в стены. Ничего лишнего. Дом воина там, где он сражается, тут лишь самое необходимое, чтобы продолжать бой.

Ярослав уступил Лой единственное кресло, сам встал у карты, заложив руки за спину. Поза уверенная, спокойная, с достоинством.

– Не просто так, – призналась она. – Расскажи мне толком, что тут за прорывы? Что за чепуху болтали на рынке?

– К сожалению, госпожа, не чепуху. Я уже послал весть Владыке.

– «Никогда такого не было и вот опять»? – вспомнила Лой.

– Нет, – поморщился Страж. – Просто никогда такого не было. Мы охраняли Серые Пределы от грабителей, чтобы никто не тревожил мёртвых, не обирал бы их. Чтобы они спали спокойно. Хотя, конечно, случалось, что кто-то за Пределом... сходил с ума, наверное. Бросался на черту, ломал себя. Пытался напасть на стражей. Отец учил – надо следить, чтобы безумие не распространилось, это как моровая язва.

– А теперь?

– А теперь безумие таки пошло распространяться. Мёртвые словно удрать пытаются, черту снести. Куда угодно – лишь бы оттуда.

– И они действительно живых утаскивают?

Меж бровей Ярослава залегла глубокая морщина.

– Действительно. Пытались увести с собой.

– Но зачем? – поразила Лой. – Признаться, подумала, что сплетни!..

– Не сплетни, госпожа. – Ярослав хмурился и – вот нахал! – смотрел не на восхитительные ноги Лой, а на истыканную флажками карту. – Действительно, хватали, пытались утащить за черту...

Лой поёжилась. Всякое случалось в её жизни, даже интим с водяной копией чародея Торна, однако при одной только мысли о неживых пальцах, вцепляющихся ей в плечи, Кошку передёргивало.

– Повторяю вопрос. Зачем мёртвые это делали?

– Прошу прощения, госпожа. Стража Серых Пределов пока не нашла ответа. – Ему было явно стыдно и нехорошо.

– Тогда, – легко сказала Лой, – это надлежит выяснить. И как можно скорее. Что ты намерен предпринять, Страж?

– Идти за черту, госпожа, – ровно сказал Ярослав. – Иначе ответа мы не найдём. А Владыка должен получить точные и достоверные известия.

«Да, – подумала Лой, – у Драконов не было более верных слуг, чем стража Серых Пределов». Даже клан Огня в конце концов от них отшатнулся, а эти – нет.

– Тогда я отправлюсь с тобой, Страж.

– Почту за честь, госпожа Ивер.

* * *

С собой Ярослав не стал брать многих.

– Меньше шумишь – больше увидишь, госпожа. Но если надо – к нам присоединится тамошний патруль.

– Слова истинного Кота, Страж.

Тот угрюмо улыбнулся.

– Мы помним свой долг, госпожа. И перед Владыкой, и перед остальным миром.

«Интересно, а о чём-то ещё он способен думать?»

Сборы были недолги; вскоре Страж и Лой уже шагали тихой улочкой, направляясь к окраине городка.

Навстречу им тащились четверо, и сперва Кошке они показались обычными не то бродягами, не то подёнщиками самого низкого разряда. Одежда – разномастное тряпье, что-то людское, что-то эльфье, а что-то – перепачканное смазкой и смазкой же воняющее – явно от гномов Пути.

Молодой парень, лохматый старик с полуседой бородой, бывший некогда импозантным мужчина средних лет и женщина, чей возраст вообще не угадывался – волосы спутаны, немыты и нечёсаны. На плечах они тащили швабры, в руках – ведра с тряпками и щётками, но настояжало Лой не это.

Вся четвёрка была магами, и не такими уж слабыми. Причём магами Стихийными. Что они тут делают и куда смотрят надзирающие того же Торна?.. Ну да, Владыка-Дракон поумерил их прыть, теперь они больше следят за явившимися с Изнанки, но что-то совсем мышей перестали ловить!..

– А всё ты, всё ты! – нудно гундел старикан. – Колдун поиметый! Что за шило у тебя было-то на Дракона лезть?!

«О, как интересно». – Лой замедлила шаг. «Кто-то полез на Владыку?»

– Страж, тебе известны эти четверо?

– О да, госпожа, – ухмыльнулся тот. – Явились в город два дня назад, принесли раненого – вот этого, чернявого, горбоносого, он у них за главного. Сказали, с Изнанки. Признались, что прогневали Владыку. Просили помощи, денег у них не было, но даже такие глупцы не солгут, ссылаясь на слово Дракона – он всегда проверяет, это им все объяснили сразу же. Назначены на уборку и чистку. Гномы особенно рады – они им теперь забесплатно на Пути отхожие места драят. А чары творить не творят. Хотя маги, сомнений нет.

– Интересно, почему... – задумчиво проронила Лой. – Вообще-то четыре Стихийных мага нам быгодились, Страж, как думаешь?

– Согласен, госпожа. Лишними б не оказались. Это моя стража с чарами не очень, потому и не беру, а вот эти...

– Тогда попробуем.

Лой и Ярослав остановились подле уныло тащившейся команды. Мужчины, не исключая и сердитого дедка, немедленно уставились на Кошку; женщина взглянула коротко и устало – и отвернулась. Ей было всё равно.

– Коллеги, – немного вежливости со Стихийными, даже если они только что с Изнанки, никогда не помешает, – коллеги, я, Лой Ивер, маг первой ступени, глава клана Кошки. Вижу, что вы совсем недавно угодили к нам сюда и...

– И влопались! – завопил старичок. – Всё из-за этого типа, Георгий который! Колдун поиметый, говорю же!.. на Дракона напрыгнул, идиот!..

– Напрыгнул на господина Дракона? – Лой подняла бровь. – Напал на Крылатого Владыку, на Дракона Возрождённого, Владыку Срединного Мира?!

Вся незадачливая четвёрка уныло потупилась, особенно «поиметый Георгий».

– Мы... мы не знали... – выдавил горбоносый виновник всех проблем. – Мы... мы осознали себя магами...

– Колдунами! – ядовито вставил старикан.

Молодой парень ничего не сказал, а лишь сглотнул да пялился на Лой. Ну да, достаточно одного-двух движений, неуловимых движений бровей, ресниц, чуть-чуть приоткрывшихся губ – и бедолага с Изнанки готов. «Может, пригодится ещё», – деловито подумала Лой.

– Господин Дракон запретил нам использовать силу... – прошептала женщина. – Он... он разгневался на нас. Мы... поступили подло. Мы заслужили кару. Он мог бы сжечь и испепелить нас, но...

– Но всего лишь проткнул плечо этому козлу, – старик зло пихнул Георгия в бок, и тот лишь скривился. Похоже, раньше Георгий был у них лидером, а теперь упал на самый низ социальной лестницы. – Плечо проткнул и говорит, мол, тащите в город! Там лекарь, денег у вас нет, так отработаете!.. Вот и отработываем, толчки отскребаем!.. А гномы эти, им, похоже, в радость мимо наср...

– Святозар! – резко сказала женщина. – Прошу прощения, госпожа Ивер. Святозар Любимович, он... ему труднее всех не пускать силу в ход.

– Господин Дракон сказал, что если мы прибежем к чарам, он узнает об этом, вернётся и тогда уже не помилует, – проворчал старичок Святозар.

– Не помилует, – совершенно серьёзно кивнула Лой. – И вам ещё повезёт, если просто испепелит. У него в арсенале, поверьте, есть куда более длительные и мучительные для жертвы способы отъёма жизни.

Молодой побелел, Святозар Любимович закричал, горбоносый Георгий схватился за плечо.

– Что вы умеете?

Четверо переглянулись.

– Вода, – сказал молодой. – Волны, ледяные стрелы, всё такое...

– Земля, – буркнул Святозар Любимович. – Ну... валуны, ловчие ямы, камнепады... всякое там «расступись, разомкнись, мать сыра земля, помоги, земля, добру молодцу...»

– Пламя, – вздохнул незадачливый Георгий. – Файерболы...

– Огнешары! – въедливо напомнил старик Святозар.

– Хорошо, огнешары, – безнадёжно согласился черноволосый маг. – Инда взопрели озимые...

– Ветер, – коротко сказала женщина. – Просто ветер.

– Дракон нам колдовать запретил...

– Слово Владыки нарушать нельзя, – согласилась Лой. – Однако у меня есть для вас дело, пришедшие с Изнанки. Вы можете помочь – вы, ваши таланты.

– Дракон запретил...

– Я пошлю весть Владыке. Спрошу его разрешения. Если он, в милости своей, его дарует...

– Мы согласны, – поспешно выпалила женщина. – Что угодно лучше, чем... чем это!..

– Гномы, они... – закричал Святозар.

– Знаем, знаем! – хором зашикали на старика трое остальных магов Изнанки. – Специально мимо делают!..

* * *

В поход Страж Серых Пределов взял немного испытанных бойцов. Четверо новичков-Стихийных верхами ездить умели, но для гарантии их посадили на телегу в обозе. Шли

ходко, заботливо расчищенными просеками; в тени вековых стволов ещё не осел сизый весенний снег, было промозгло и холодно.

Поселения быстро остались позади. Ярослав уверенно вёл отряд напрямик к самой черте, пробираясь меж сырыми оврагами, огибая скалы и мелкие озёрца, полные талой водой. Лой Ивер время от времени, оборотившись кошкой, сновала впереди, вынюхивая и прислушиваясь.

Пограничный лес был нем и парализован страхом. Мелкая проснувшаяся живность торопилась унести ноги на юг, и это само по себе говорило о многом.

Лой ощущала нарастающую тревогу. Невольно она вспомнила свой путь сюда, едва не забросивший её в пределы Хаоса, но здесь Хаоса точно не было. Она не чуяла его, сюда он не пробрался.

Но тогда что случилось с мертвецами?..

На ночлег Страж Пределов остановил свой отряд в сухом урочище.

– Ночью ближе подбираться не станем. Утром пойдём, при солнышке.

Сказал – и ушёл помогать остальным с костром и всем прочим.

Четверо взятых в поход чародеев с Изнанки ёжились у огня, хотя никто не обременял их работой.

Ночевать Ярослав ушёл в общую палатку стражей, чем заставил Лой недовольно поджать губы – Страж проигнорировал её заинтересованный взгляд и даже ещё более заинтересованное дрожание ресниц, обычно действовавшее безотказно. «Ладно-ладно, гордый слуга Крылатого Владыки, это мы ещё посмотрим, кто куда (и с кем) спать в конце концов пойдёт!..»

Утром отряд при первом солнышке перешёл Черту.

Лой Ивер зашипела, едва ступив на ту сторону.

Лес становился гуще, однако среди молодой поросли торчали гнилыми зубами старые, древние стволы, обугленные, мёртвые, лишившиеся хвои и листьев, но упорно, упрямо, наперекор всему не падающие, цепко держащиеся корнями, словно не находилось на них ни жуков-короедов, ни червей-древоточцев.

И здесь было холодно. И солнце светило слабо, приглушённо, точно с трудом пробиваясь сквозь невидимые тучи.

– Сейчас на поле выберемся, – Ярослав натянул поводья рядом с ней. – Там село... было. До битвы. Там кладбища.

– Ты бывал здесь раньше, Страж?

Тот кивнул.

– Конечно, госпожа. Раньше к мёртвым можно было заглянуть, особенно по дневному времени; когда гра-бители-то и пытались пролезть. Прежде-то и солнышко тут светило ярче, и мёртвые в полдень, так сказать, изрядно сонные были. Еле двигались, чем воры и пользовались.

– А теперь отнюдь нет... – заметила Лой.

С края леса заметно было движение – какие-то фигуры сновали по деревне, от дома к дому, словно чем-то очень занятые.

– Позволь мне, Страж.

Лой Ивер грациозно соскользнула с седла. Миг – и прежде, чем Страж успел промолвить хоть слово, пушистая полосатая кошка уже бежала к околице, быстро пропав из глаз.

«...Интересно, интересно, интересно!..» Лой знала, что её сейчас трудно, почти невозможно заметить. Земля противно холодила лапы и отнюдь не от впитанных ею талых вод – здесь по-прежнему жива была та магия, что давала видимость существования мёртвым.

Чем ближе, однако, Лой подбиралась к деревне, тем сильнее становилось её удивление. В самом деле, туда-сюда бегали вовсе не зловещие мертвецы, размахивая ржавыми клинками, нет, самые обычные селяне, бледные, запыхавшиеся, однако отнюдь не мёртвые. Таскали они какие-то мелкие брёвна, доски и прочий материал, словно собрались тут что-то строить.

Может, это и были те, кого «увели» мертвецы?.. Но что они тут сооружают? И почему не сбегут, никакой «охраны» Лой так и не увидела.

Она подбиралась всё ближе и ближе. Дома в деревне тоже стояли со времён последней битвы, словно никакое время не способно было разрушить их больше, чем задевшее по касательной магическое сражение. Как и мёртвые деревья в лесу, срубы годам не поддавались.

Что ж, надо идти ещё ближе, несмотря на поднимающуюся в горле тошноту. Старая магия была до сих пор могущественна и зла.

Кошка-Лой фыркнула и стала пробираться ближе.

* * *

Господин Дракон изволил гневаться.

Нет, пока ещё не Дракон. Виктор носился по комнате дочери как ошпаренный, то выглядывал в окно – бдительно озирая окрестности усадьбы, будто ожидал увидеть дочь среди деревьев. То открывал и закрывал шкаф – чем-то тот его смущал, но Виктор понять не мог, чем именно. Один раз заглянул под кровать и дважды – в ванную комнату (предварительно постучавшись).

Но своенравной дочери нигде не было.

Тэль вела себя спокойнее. Стояла посреди комнаты и медленно крутила головой («Как локатор», – мелькнула у Виктора несуразная мысль). Всеволод, прибежавший на шум, остался в дверях, не рискуя соваться под горячую руку.

– Это как понимать? – восклицал уже не в первый раз Виктор. – Поругали её, и сразу убегать? Гордые мы такие? Всё последствия воспитания! Ох, вернётся, вздую, не посмотрю, что выросла, сниму ремень...

Он снова подбежал к окну, высунулся в него наполовину, поглядел вверх – на черепичную крышу. Нет, не было там дочери, там сидела лишь чёрно-белая дворовая кошка, самая обычная, не из клана Лой, кормящаяся при кухне и иногда снисходительно разрешающая с ней поиграть. Она уставилась на Виктора задумчивым взглядом и стала вылизывать лапу.

– Да что ж ты стоишь! – оторвавшись от окна, спросил Виктор. – Может, она в опасности! Может, её похитили!

Тэль посмотрела на него с сомнением:

– Кто рискнёт похитить дочь Дракона? Ты на неё накричал, она обиделась и решила проучить.

– На две недели дома запру! – вновь забушевал Виктор. – На месяц!

Тэль махнула рукой.

– Погоди. Что-то тут не так... ты чувствуешь магию?

– В том-то и дело! – обрадовался Виктор. – Но... не пойму какую!

– Нотти много чего умеет, – сказал от двери Сева. – Я видел, как она в ветер превращалась.

– Что? – поразился Виктор.

– При её наследственности и способностях – могла, – признала Тэль. – Сева, почему ты не рассказал нам?

– Ябедничать на сестру? – поразился Всеволод. – Мам, ты бы меня первая за такое отругала. Она же ничего плохого не делала. Магией занималась.

Виктор вновь махнул рукой, удерживая на губах готовое сорваться слово, сел на стул. Попытался улыбнуться.

– Да, конечно... Такая-сякая, обидела отца... Тэль, но что-то не так. Когда я только вошёл – была магия. Сильная, дикая, незнакомая. Будто открылся тайный путь. Я так не умею.

– У тебя другие силы, – кивнула Тэль. – Я тоже чувствую... тут будто след...

Она подошла к гардеробу, медленно открыла его. Принюхалась.

Виктор и Сева замороженно смотрели на неё.

– Магии уже не осталось, – сказала Тэль. – Но она тут была. Есть такая, слыхала. Магия врат... А вот запах остался.

Она глубоко втянула носом воздух.

– Может, обернётся? – с надеждой спросил Виктор. – Единорогом?

– Нет нужды, – ответила Тэль. – Я и так всё чую. Океан... дальний, восточный океан. Водоросли. Это морской багульник! Есть его нельзя, но он нужен для многих зелий. Там странные места, там живут морские звери, умеющие говорить, там появляются странные твари, только что пришедшие в реальность. Тут открывались врата на Восток!

– Нотти такое умеет? – спросил Виктор, почему-то обращаясь к сыну.

– Пап, я не знаю...

Виктор тяжело вздохнул. Оборачиваться в дракона, едва вернувшись домой, – и лететь за сотни миль? А что делать?

– Значит, так... – вслух рассуждал он, глядя на Тэль. – Лёта часов двенадцать. Ну, десять. Ты полетишь на мне.

– Я знаю пути, – напомнила ему жена.

– Идти по ним будет быстрее?

– Путь непредсказуем, – серьёзно ответила Тэль.

– Лучше полетим, – решил Виктор. – Разберёмся. Если это она учудила – получит взбучку! А если не она... – он помолчал, хмурясь, – то взбучку получит кто-то другой.

– А я? – обиделся Сева.

– Ты сидишь дома, тренируешься, ждёшь – вдруг сестра вернётся!

Парень обиженно поджал губы, но смолчал.

Всё было решено и оставалось лишь собраться. Виктор встал, прошёлся по комнате, соображая, что надо с собой взять. Немного денег на всякий случай – золото порой работает быстрее и надёжнее магии. Оно даже лучше силы порой работает. По смене одежды. Для Нотти тоже захватить, пусть Тэль этим озаботится... Лекарства? К чему они, если с тобой женщина Неведомого клана? Оружие Дракону тоже не требуется...

Конечно, если уж быть совсем честным – то ему требовался сон. Он давно не спал, ночь провёл в полёте, а это романтично только поначалу. Да, летишь над облаками, внизу редкие огни деревенок и городов, над тобой луна и звёзды, холодит чешую ночной ветер и тишина... такая тишина... что хочется спать.

Виктор зевнул, поймал на себе пронизательный взгляд Тэль и принял бодрый вид.

– Ну, – сказал он. – Пожалуй, не станем тянуть...

И тут внизу в дверь постучали. Робко – прислуга так не стучит, она не подозревает, что богатая семейка – это клан Дракона, и входит уверенно и шумно. А может, всё равно бы входила как к себе домой, Дракон ты или нет, только где нынче найдёшь хорошую прислугу?

– Нотти... – сказал Виктор с облегчением.

– Вот у меня сейчас кто-то получит, – с не меньшей радостью пообещала Тэль. И кинулась вниз. Виктор и Сева – за ней.

Но за дверью оказалась вовсе не Нотти, и не суровая, кряжистая (явно с примесью гномьей крови) уборщица, и не стройный, изящный, чуть манерный (то ли на четверть эльф, то ли вот таким вот вырос) повар; Виктора он раздражал, но всё раздражение меркло перед заливным из диких синих осетров или тетеревами, фаршированными белыми лесными грибами со сметаной. За дверью стоял немолодой господин, всем своим видом демонстрирующий власть, богатство и длинный ряд аристократических предков. Господин был облачён в костюм наместника: пышный, цветной и яркий, будто одеяния клоуна – что поделать, традиция такая, заведённая предками много сотен лет назад. Наверняка господин не привык много ходить пеш-

ком, хоть и держался более-менее в форме, лишь пузо выпирало над ремнём, несмотря на все попытки мужчины его втянуть. Похоже, свой экипаж и слуг господин оставил, не доезжая до усадьбы, а уж дальше шёл пешком, блюдя тайну.

– Виральон? – поразился Виктор. – Наместник Пятого восточного протектората?

На то, чтобы запомнить имена всех наместников, графов, лордов, временных правителей, губернаторов, мэров крупнейших городов и властителей портов, у него ушло больше года. К счастью, менялись они нечасто. Да и Виральон был не самым худшим и неприятным из них. Жадный до власти, любящий роскошь – ну так они все были такими. Зато Виральон к жителям и богатствам протектората относился с той же рачительностью, как к своим собственным родовым землям. Вечно строил какие-то дороги и мосты, поощрял ремёсла, когда чуть-чуть осмелел в отношениях с Виктором – принялся расспрашивать о всяческих вещах с Изнанки, которые могли бы работать в Срединном Море. Едва ли не первым внедрил полноценный севооборот, после чего холодные и не слишком плодородные земли принялись торговать хлебом и картошкой. Узнав про асфальтовые дороги, пришёл в восторг, и нынче гномы мастера строили первую в Срединном Море современную двухполосную дорогу. Построил больницу «для селян и городской бедноты», льстиво назвав её именем «Всеблагой покровительницы Тэль». Хотел ввести обязательное начальное образование, чтобы каждый умел писать, читать и считать, только с духом никак не мог собраться – уж больно серьёзный шаг!

Налоги, конечно, он драл с жителей безжалостно, но иначе откуда бы деньги на всю эту роскошь?

– Господин Дракон... – Виральон опустил на колени. – Простите за внезапное появление...

Виктор вдруг сообразил, что этот восточный протекторат – он же как раз в той стороне, куда перенеслась Нотти! Не у самого моря, конечно, но...

– Что с моей дочерью? – спросил Виктор резко.

Виральон уставился на него таким недоумевающим и перепуганным взглядом, что Виктор понял свою ошибку. Чтобы оказаться здесь, наместнику требовалось выехать со своих земель несколько дней назад.

– А, пустое... – Виктор махнул рукой. – Не обращай внимания. Вставай. Я верю, что только неотложная нужда могла привести тебя.

Пропажа дочери – это его проблема. Но даже она не должна мешать обязанностям верховного правителя.

– Может быть, мальчики пройдут на кухню? – спросила Тэль с улыбкой. Как бы ни была проста лесть Виральона, назвавшего больницу её именем, но Тэль это тронуло. – Немножко виски или портвейна? Сева, а ты пока иди к себе, займись сборами.

Сева кивнул и удалился.

Виральон с явным облегчением встал, прошёл на кухню, после недолгих отнекиваний уселся за стол и с благодарностью принял из рук Тэль бокал густого тёмного портвейна. От того, что делают в Изнанке, вино мало чем отличалось. Виктор с удовольствием сделал глоток, после чего пригубить портвейн осмелился и наместник.

– Благодарю, госпожа. Благодарю, господин, – он промокнул губы. – Позвольте рассказать о причинах моего визита...

Вначале Виктор слушал с напряжённым интересом. Потом расслабился.

Речь шла о вещах, которые рано или поздно случаются повсюду.

Народ роптал по поводу налогов. Холодная погода, вызвавшая неурожай, ставилась едва ли не в вину наместнику. Конфликт с бродячим эльфийским племенем привёл к жертвам с обеих сторон, а когда Виральон бросил на разгон гвардию и показательно казнил зачинщиков – оскорбились и эльфы, и люди... В результате у Виральона потравили целую конюшню зна-

менитых северных лошадей, мохнатых и выносливых, подожгли овин, а в карету супруги, прогуливавшейся с детьми, кинули бутылку с горючим маслом...

Тут уже Виктор нахмурился. Таких вещей он не любил.

– Жена, дети – пострадали?

– Нет... но сам факт...

Виктор отпил ещё вина. Прикрыл глаза. «Ох, как же ты не вовремя со своими проблемами, Виральон...»

– Какая помощь нужна? Деньги? Провиант? Попросить магов наведаться?

– Ну... если бы господин Дракон... в своей милости... посетил наш край...

Понятно. Демонстрация силы и поддержки господина Дракона.

И пожалуй, если он пару раз дохнёт огнём, то это будет ещё лучше...

– Я планирую отправиться на Восток, – сказал Виктор. – Путь не через твои земли, но... на обратном пути я загляну. Может быть, поохотимся? У тебя ещё не вывелись пурпурные бизоны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.